

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ЧЁРНЫЙ СМЕРЧ

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА «ЧЁРНАЯ КРОВЬ»,
НАПИСАННОГО В СОАВТОРСТВЕ
С НИКОМ ПЕРУМОВЫМ

ЭКСМО

Черная кровь

Святослав Логинов

Черный смерч

«Автор»

1999

Логинов С. В.

Черный смерч / С. В. Логинов — «Автор», 1999 — (Черная кровь)

Мужское волхование и женские чары не сходны между собой, а зачастую и просто враждебны. Но все людское волшебство черпает силу в предках и служит лучшей защитой от всякой напасти, против которой оказываются беспомощны даже могучие луки и богатырские копья. Пал в схватке с мангасом храбрый вождь Таши, и теперь уже его сын, носящий славное имя отца, противостоит врагам, мечтающим сжить со свету род человеческий.

© Логинов С. В., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Святослав Логинов

Черный смерч

Нику Перумову

Жаль, что не получилось написать эту книгу вместе

Глава 1

Птица, поджав лапы, лежала на песке. Хищная голова на длинной шее, вознесённая на полтора человеческих роста, медленно поворачивалась, привычно оглядывая окрестности. Впрочем, для диатримы здесь не могло быть ни добычи, ни опасности – в жарких сыпучих песках не встречалось зверей достаточно для этого крупных. В эти края птицы приходили на гнездовье.

Три чуть-чуть желтоватых яйца, каждое с голову взрослого человека, лежали неподалёку, впитывая тепло раскалённого за день бархана. Ночью, когда песчаные склоны остывали, диатрима приходилось греть яйца своим теплом, как это делает всякая пичуга, а в полдень заслонять будущих птенцов от слишком сильного зноя. Такая жизнь продолжалась уже давно, птица чувствовала, что скоро птенцы появятся на свет.

Что-то шевельнулось совсем рядом с драгоценными яйцами, но диатрима даже не покосила жёлтым глазом, голова продолжала покачиваться, просматривая дальние пределы и не обращая внимания на скорченную фигурку, копошившуюся у самого гнезда.

Когда-то, целую жизнь назад, когда она сама была заключена в хрупкую оболочку скорлупы, над ней вот так же склонялся крошечный человечек, гладил яйцо тонкими ладошками, мурлыкал и бормотал. Этот человечек стал хозяином и повелителем, диатрима не отличала его и ему подобных от самой себя и потому позволяла коротышке то, чего ни одна птица не позволит ни единому на свете существу: касаться насиженных яиц.

Несколько раз за долгий срок неподалёку объявлялась ещё одна диатрима – покрупнее. Тогда самка принималась встревоженно клекотать, отгоняя супруга от гнезда. Тот, впрочем, и не пытался подходить вплотную. Самец ложился на песок, с его спины соскакивал второй карлик, укладывал в стороне какую-то провизию и калебасу из высушенного арбуза, в которой плескалась тёплая затхлая вода. Всё это привозилось для того коротышки, что дежурил рядом с гнездом. Сама диатрима весь этот срок ничего не ела и не пила.

Почему-то в этот вечер царица пустыни вела себя беспокойно. Дольше обычного вглядывалась в дальний склон, несколько раз порывалась подняться на ноги, но, не обнаружив ничего примечательного, опускалась обратно. Карлик мурлыкал колдовскую песнь и не замечал опасности, покуда птица не вскочила, издав отчаянный резкий крик. Возникнув словно ниоткуда, на неё катился огненный вал. Пламя вздымалось стеной, быстро приближаясь к гнезду. Диатрима приходилось видеть степные пожары, и этого зрелища она боялась как... огня. Птица заметалась, уже не думая о будущих детях, карлик, хрипло взмякнув, ринулся было наперерез, но тут же повалился на землю. В боку его торчала тонкая костяная стрела. Теперь диатриму уже ничто не могло привести в чувство. Взрывая песок намозоленными ногами, она ринулась прочь.

Когда птица скрылась, огонь немедленно погас. Да и чему было гореть на голом песке? На том месте, где только что бушевало пламя, объявилось четверо людей. Первый – мужчина, уже переваливший за середину жизни, с проседью в рыжеватой бороде. Несмотря на жаркое время, он был в меховом наряде шамана, украшенном колдовскими амулетами. Двое его спутников – молодые парни, только в прошлом году прошли посвящение в охотники. Один из них

сжимал в руках лук, другой – здоровенное загонное копьё с острым кремнёвым наконечником. Четвёртым путником была женщина, года, может быть, на два постарше парней. Даже самый снисходительный судья вряд ли назвал бы её красавицей. Тёмные, прямые как палка волосы, чёрные густые брови, сросшиеся на переносице, и вполне заметные усики делали её скорее похожей на мужчину. Да и ростом молодка удалась так, что лишь один из парней, тот, что с луком, оказался ей под стать. Женщина тоже была вооружена загонным копьём, пришедшимся ей как раз по руке.

Всякий знает: не дело женщине носить оружие, разве что совсем подвалила беда. Так, впрочем, и случилось шестнадцать зим назад. Двух парней тогда ещё и на свете не было, а уса-той девушке едва минуло полгода. Небывалые испытания обрушились не только на род зубра, но и на весь белый свет. Особенно страшно пришлось беженцам, выбитым с берегов Великой реки. Люди скрывались от беды в лесах, и там выживал едва ли один из десяти младенцев. Теперь, когда детям той поры пришло время становиться матерями и охотниками, оказалось, что посвящения проходить, почитай, и некому. А времена по-прежнему оставались недобрыми – каждый год подваливали новые напасти. Так и получилось, что подросшая Лишка самовольно ухватила копьё и до сегодняшнего дня этого копия не выпустила. Вождём в ту пору ещё был тихоголосый Стакн, управлявший не силой, а мудростью. Он и разрешил девке ходить с охотниками. Всё равно, и слепому видно, что замужем Лишке не бывать. И женихов в роду куда меньше, чем невест, и красой девица уродилась в молодца, да и просто – остерегается народ, всё-таки Лишка не совсем своя. То есть своя, конечно, не чужинка, но из незнакомого рода – найдёнышка. И в лапах у согнутых побывала вместе со своей названной сестрой. А согнутые – это уже чужинцы – заклятый враг. Быстроногий Тейко – нынешний вождь, много может порассказать о тех временах. Он самолично девчонок освободил, а то жить бы бедняжкам у чужинцев, рожать не детей, а страшных мангасов.

И всё же не сложилась судьба у спасённой. Даже старшая – Тина не сумела найти пару и три года тому ушла на север к людям лосося, с которыми как раз тогда заключался союз. А при кровном союзе – первое дело поменяться людьми, женихами и невестами, чтобы взбодрить застоявшуюся кровь. Так что пригодилась роду спасённая Тина, дочь Линги, помоги ей прапродитель Лар отыскать счастье среди лесовиков.

А Лишка так и стала охотницей и уже вторую весну подряд ходила на восток от Великой – громить гнездовья диатритов.

Опустив копьё, Лишка подошла к диатримьей кладке, вытащила из-за кушака топор, махнула по первому яйцу.

– Постой! – крикнул один из парней. – Может, они ещё свежие...

– Насиженные... – не оборачиваясь, ответила Лишка. – Ещё бы день – ловили бы гадёнышей по всей степи.

Резкими ударами Лишка расколола остальные яйца, толчком ноги подтолкнула к разорённому гнездищу убитого карлика.

– Сжечь бы... А впрочем, и камнями сойдёт. Заваливай.

– Не торопись, – сказал второй из парней. – В нём стрела осталась.

Отполированным до полупрозрачности кремнёвым ножом он расширил рану в боку убитого карлика, вытянул глубоко засевшую стрелу, умудрившись не сорвать боевого оголовка. Затёр кровь мелким песком. Лишка с напарником стаскивали в кучу камни, которые кое-где встречались в низинке. Камней явно не хватало.

– Ничего, – отдуваясь, протянула Лишка, – песком досыпшем.

Шаман безучастно стоял неподалёку и, казалось, вслушивался в вечернюю тишину. Так оно и было, только слушал он не обычные звуки, а колдовские шорохи, выдающие приближение врага.

– Идёт, – негромко предупредил шаман. – Уже близко, но один. Можно встретить.

– Таши! – позвала Лишка.

Парень с копьём уже стоял рядом с ней, глядя на близкий, ограниченный гребнем бархана окоём. Таши, выдернув из колчана только что уложенную туда стрелу, встал позади копейщиков. Шаман Калюта остался недвижим, лишь продолжал вслушиваться с тем же отсутствующим видом, что и прежде.

Птица танцующим галопом выметнулась на ближнюю вершинку. Карлик на её спине тонко визжал, понимая, что опоздал к гнезду, и желая лишь отомстить погромщикам. Птица тоже видела, что случилось непоправимое, её не приходилось понукать. Казалось, ничто не сможет остановить несущуюся на обидчика диатриму: сомнёт, стопчет, расклюёт... И всё же группа людей оставалась неподвижной. Лишка и Данок так даже вовсе присели на корточки и положили копья на землю. Один Таши изготавился к бою, натянув лук.

Хищная птица, в три человеческих роста высотой, одетая в броню из жёстких перьев, которую не под силу пробить человеческой руке, с опытным вожатым, надёжно укрытым на высоте, а против – четыре человека, которые и до гузки не смогли бы дотянуться. Казалось, участь людей решена: что не сделают когтистые птичьи ноги, в полминуты довершит изогнутый клюв. Пусть даже ждущая на бычьей жиле стрела угадает точно в птичий глаз, она не успеет остановить несущуюся громаду. Птица-диатрима весом превосходит матёрого быка, а неуязвимостью – легендарного северного зверя: носорога.

И всё же люди не пытались бежать при виде несущейся смерти. Они ждали. А когда диатрима оставалось сделать три последних великанских шага, Лишка и Данок разом выпрямились, подхватив с песка копья, больше похожие не на копья, а на бревно с насаженным на конец кремнем. Они не пытались бить, даже богатырских сил не хватало, чтобы ударить такой машиной, где уж тут справиться молодой женщине и мальчишке, всего полгода как ставшему охотником. И всё же копья разом приподнялись, нацелившись в грудь опасной бегунье. У диатримы уже не было времени, чтобы остановиться или хотя бы свернуть в сторону, всей своей массой она ударилась в каменные наконечники. Раздался треск, однако вытесанные из лучшего дерева ратовища выдержали, лишь обитые кожей пятки копий ушли глубоко в песок. Клекочущий крик прервался, из распахнутого клюва вылетел фонтан алых брызг, диатрима бестолково забила лапами и повалилась на бок, вывернув копья из рук Лишки. Верная стрела насквозь просадила диатриту, не успевшего даже замахнуться своим копьем.

Издающая птица по-прежнему была опасна, один удар дёргающей ноги мог покалечить человека. Лишка кубарем откатилась в сторону, Данок, ухватившись за конец вырванного из песка копья, ворочал им в ране, стараясь помешать диатрине подняться на ноги. И лишь когда Таши с пяти шагов двумя выстрелами выбил диатрине глаза, чудовищное создание затихло.

– Молодцы, – похвалил воинов Калюта. Он прислушался и добавил: – Больше никого рядом нет.

– Вот мы и с мясом, – сказал Таши, разглядывая судорожно вздрагивающую тушу.

Лишка поднялась с песка, попыталась освободить копья, придавленное упавшей диатримой, потом махнула рукой, отложив это дело до той поры, когда можно будет безбоязненно приблизиться к поверженной хищнице. Повернулась к Данку, улыбнулась, сверкнув крепкими зубами:

– Спасибо, выручил. А у меня, видишь, подвернулось копья, когда гадина падать стала. Песок кругом, упора никакого.

– Предки помогли, – как и полагается в таких случаях, ответил Данок.

Огненный лик Дзара уже провалился за барханы, поэтому на ночёвку отрядец устроился здесь же, отойдя всего на пару сотен шагов, чтобы не достигала вонь, всегда царящая на стоянках диатритов. Огня разводить было не из чего, поэтому перед сном пожевали белого птичьего мяса с чёрствыми, ещё домашними лепёшками. Скупно запили ужин водой. Воды оставалось

немного, и Калюта сказал, что завтра надо поворачивать к дому. И без того они углубились в пески, как ни один отряд прежде.

Встали до света, когда утренний холодок ещё заставлял подрагивать, поспешно собрались и тронулись в путь. Вроде бы и день на юге длинен, но в полдень по пескам не погуляешь, здесь, как в допотопные времена, царит жгучий Дзар, и лишь его дети умеют жить, выдерживая палящий взгляд владыки. Змеи, ящерицы, многосуставчатые тарантулы. Даже диатриты со своими птенцами стараются переждать палящий полдень. Недаром до самой смерти Дзара людей на свете не было. А вот были ли диатриты, того никто не скажет, в старых песнях об этом не поётся.

Шли походным порядком. Впереди – Таши, у него и глаз поострее, и направление держит лучше прочих. Недаром его пестовал безрукий колдун Ромар – всему научил воспитанника. Следом Калюта во всеоружии своих погремушек. Калюта тоже Ромаров выученик, но учился тайным, волшебным делам и уже семь лет ходит с бубном, хотя главный шаман – слепой Матхи ещё тлеет в своей землянке. Но это не беда, и прежде бывало в роду два шамана. К тому же Матхи сильно одряхлел и давно не ходит по верхнему миру. Люди редко доживают до таких лет, особенно сейчас, когда настали худые времена. Конечно, безрукий Ромар ещё старше – кто говорит, что втрое, кто – впятеро. Иные и вовсе верят, будто Ромар помнит первопредка Лара, а жить будет, покуда небо не упадёт на землю. Но это уже сказки, просто Ромар и сам давно сбился со счёту и не может сказать, сколько же ему лет. Ясно одно – много, простые люди столько не живут.

Так или иначе, но те, кто не просто слушал поучения бессмертного старца, но ходил с ним в походы на восемь сторон света, выучиваются лучше прочих и умеют такое, чего другие и до седых волос не всегда могут. В малом отряде таких трое – Лишка тоже была привечена безруким, любит Ромар тех, кто среди родичей особняком стоит. За то многие на безрукого колдуна косятся, но уже давненько против слова не говорят. Даже новый вождь – темнеет лицом, когда на совете слово берёт безрукий, но слушает и не перечит.

Лишка и Данок шли последними, сгибаясь под тяжестью загонных копий. За этот поход копьё пригодились трижды, когда встречались одинокие птицы. По одной диатрим бить можно, невелика наука, главное – стой твёрже. А ежели попадётся навстречу отряд карликов верхом на страшных птицах, то тут вся надежда на шамана. Для этого есть у Калюты волшебная вещица – драная шапчонка из линялой белки. Натянет её шаман вместо рогатой шапки, застонет чужими словами, призывая неведомые силы, обнимет руками путников, и никто их заметить не сможет. Совсем рядом проскачут враги, а ничего не увидят. Без этого в поход на кочёвки диатритов не пойдёшь, а если пойдёшь, то назад не воротишься.

К полудню путники одолели немалый кусок, так что пески начали уступать место сухой степи, поросшей редкими корявыми кустами. Да оно и нетрудно, налегке. Туда шли – пёрли на себе запас воды на две недели, а теперь вся вода в одном бурдюке у Таши, а у Данка и Лишки на копьё насажено по здоровенному ломтю птичины. За день мясо подвялится, и лишний день можно будет идти, не останавливаясь для поисков пищи.

На днёвку остановились на твёрдом месте. Вновь, покуда из неё не ушёл весь сок, пожевывали птичины. Отхлебнули по одному глотку воды, только смочить рот – больше пить Дзар не велит. Потом сели в кружевной тени безлистного куста, прижались друг к другу, приготовились переждать самый зной. Таши привычно прислонился спиной к Лишке. Эти двое с младенчества привыкли быть вместе, долговязая девчонка была малолетнему Таши заместо старшего брата. Старухи, когда считают кровь, о Таши поминать не любят. Уника, Ташина мать, была наследницей мудрой бабы-йоги, уже и тогда половину времени проводила неведомо где. К тому же молодая колдунья ни к одной семье в роду не принадлежала, жила сама по себе. И Таши, следом за ней, хоть и член рода, а ни в какую семью не входит. А крови в нём намешано всякой, и от чернокожих племён, и от неведомых прохожих людей. Лишка потому и жива, что

в Таши есть толика крови её соплеменников. А то бы давно убили девку, признав чужинкой, – новый вождь на это дело строг.

Кое-кто из старух твердит, что раз Таши ни в какой семье не живёт, то ни в какую и свататься не может, хотя уже давно решено, что парню открыты все семьи, об этом ещё тонко-рукий Стакн позаботился. Только Таши все семьи не нужны, а нужна одна-единственная. Но об этом никто не знает, даже с Лишкой Таши не говорил о своей сердечной беде. Не то беда, что Тейла на Таши не смотрит, девушкам до посвящения на парней поглядывать и не велено, а то, что отец зазнобы глядит на Таши волком. Тейко быстроногий, вот кто отец Тейлы. И хотя согласие на брак дают матери, слово отца тоже веско. Впрочем, это дело не сегодняшнее, Тейле до посвящения ещё полтора года ждать. Таши тем временем отправился в свой первый настоящий поход, причём не охотничий, а сразу боевой. Сражаться с чужинцами, да ещё и вовсе не людьми, куда опаснее и почётней, чем бить в просторах Завеличья непуганого степного зверя. Добудешь в походе славу – глядишь, и смиляется вождь, согласится отдать дочку за молодого бойца.

Солнце забралось на самую макушку неба, однако Таши не обращал внимания на палящий зной. Если бы сейчас пришлось идти или делать какую трудную работу, тогда, пожалуй, любого хватит удар. А когда отдыхаешь бездельно, то почему бы не посидеть на солнцепёке, раз настоящей тени не нашлось... Таши даже задрёмывать начал, но Калюта неожиданно встрепенулся, вглядываясь в колдовские дали, и Таши, хотя и не видел ничего, но тоже насторожился.

– Чёрный смерч... – одними губами беззвучно прошептал шаман.

Сидящие разом подобрались, безмятежность исчезла с лиц. Но никто не встал, не готовился к бегству или борьбе. Чёрный смерч такая штука, что против неё не посражаешься. Пройдёт вихрь стороной – останешься жив, упадёт на тебя – тут уж ничто не поможет. А что смерч тут объявился, так это даже хорошо, дома будет спокойнее. Если уж бродить несчастьем по свету, пусть ходит подальше от родного селения, пускай падёт на головы проклятых карликов.

День, как и прежде, оставался безоблачным, лик Дзара пылал в выцветшем от жары зените, ничто не прикрывало землю от его лучей. И всё же беспощадный свет, ничуть не уменьшив своей резкости, словно напился глубокой, непроглядной тьмой. Лица людей посерели, песок уже не казался жёлтым, и даже в небеса словно плеснули чернотой, не затмившей солнце, но запачкавшей пыльную голубизну.

Калюта скороговоркой читал заклинания, пальцы его порхали по ременным косицам, перебирая амулеты. Остальные сидели неподвижно, не желая мешать. Нечего лезть в волшебные дела, когда рядом шаман. Понадобится ему твоя помощь, он сам скажет, а под руку соваться не следует.

Потом над горизонтом вырос и упёрся в небеса непроглядной черноты столб. Он извивался, прихотливо гуляя по земле, а другой его конец, медленно расплывающийся тучей, грозил солнцу. Смерч казался живым существом, его пляска напоминала шаманскую ворожбу вокруг большого костра. Люди, все, кроме Калюты, поспешно отвели взгляды – не годится простому человеку смотреть, как камлают демоны. А чёрный смерч был именно демоном и носил простое имя: Хобот. Только произносить это имя под открытым небом запрещалось, чтобы не накликал беды.

Страшный Хобот появился на свет совсем недавно, он был не просто ровесником черно-волосого Таши, а родился с ним в один день. Эти дела помнили многие, хотя всю правду не мог рассказать никто из людей. Отцом нынешнего Таши был великий воин Таши Лучник. Он женился на колдунье Унике – женщине без семьи. В ту пору злые мангасы разбудили одного из предвечных властелинов, повелителя воды и засухи Кюлькаса. Предвечный властелин творит не зная, и дела его ужасны; в иных местах оттого случились потопа, а на земли людей пала засуха столь страшная, что пересохла Великая, а из дальних степей пришли прежде неведомые

диатриты. Старый вождь Бойша – последний носитель священной дубинки прародителя Лара – вывел род на битву против мангасов. Народ мангасов – согнутые, был уничтожен в той битве, а богатырь Таши голыми руками убил главного мангаса. Однако беды не прекращались, и вода в реку не вернулась. Орды диатритов согнали род зубра с пересохших берегов Великой, в битве погиб неустрашимый Бойша и был сломан родовой нефрит. Таши Лучника не было в тот день с остальными людьми, вместе с безруким Ромаром он ходил в полночные края спрашивать северных богов, как справиться с напастью.

Все знают, что род зубра не погиб. Стакн Искусник, что ещё две зимы назад был вождём, выточил из сломанного нефрита нож и круглый кистень. Кистень и сейчас висит на поясе нового вождя – быстроногого Тейко. А зелёный нож Стакн отдал вернувшемуся Таши, чтобы он мог поразить священным оружием восставшего повелителя вод. Таши ушёл в свой последний поход вместе с женой и учителем. В песнях поётся о подвигах, которые пришлось совершить герою по дороге к логову чудовища, что на берегу горького моря. Там он оставил жену под присмотром мудрого старца, а сам вышел на битву, на какую прежде не осмеливался ни один смертный. Ведь первого из властелинов – Дзара – убила сама Всеобщая Мать, в ту пору, когда не было ни моря, ни неба, а второй повелитель – ледяной истукан Хадд был сокрушён прародителем людей Ларом. А теперь смертный вышел против бессмертного. Разное поют о том, но всей правды не знает никто. Людям ведомо только, что в сражении погибли оба. В ту минуту, когда решалась судьба мира, Уника родила герою сына – того самого Таши, что сидит сейчас, прижавшись спиной к спине своей посестрёлки Лишки и переживает, куда пройдёт стороной смерч.

Кое-кто из людей толкует, будто герой возродился в своём сыне, но таким людям мало веры. Вот он, молодой Таши – у всех на виду. Ничего в нём нет героического: парень не хуже и не лучше других. Погиб герой, и никто не знает, где его могила. А вот убитый повелитель стихий умереть не может, не дано это бессмертному. Даже Дзар, сражённый в незапамятные времена, не сгинул совсем, даже из ледяного Хадда народились злые боги и демоны. То же случилось и теперь. С гибелью повелителя вод растеклась по миру освобождённая магия, поползли страшные существа, чудовища и боги. Могло бы случиться и хуже, но прозорливый Ромар велел Унике сжечь тело убитого Кюлькаса, чтобы не осталось ни сердца, ни печени, ни чешуйчатых рук. Лишь хобот, которым Кюлькас всасывал воду, не поддавался огню и теперь чёрным смерчем бродит по миру.

Хобот Кюлькаса, вздрагивая, кружил по степи. Он не приближался, но и не уходил вдаль. А потом словно тетива лопнула в небесах: волшебный смерч исчез разом, как не может сгинуть обычный вихрь, рождённый бурей. Лишь грязная клякса осталась в небе, куда упирался конец чудовищной трубы. Потом оттуда, медленно кружась, начал падать чёрный снег. Хлопья жирной копоты опускались на землю, покрывая камни и песок рыхлым слоем сажи. Случись такое возле селения – роду не миновать многих бед. Погибнет урожай, в стаде начнётся падёж, а среди людей – повальные болезни. Потому и вздохнули путники с облегчением, увидав, что на этот год Хобот гуляет далеко от берегов Великой. А что самих посыплет нетающим траурным снежком, то беда невелика: все четверо крепко заговорены от чёрной немочи, а Таши такие хвори и вовсе не страшны – он родился в один час с чёрной вьюгой, ему колдовская гарь – что другому дождик.

Однако заговор заговором, а рассиживать посреди отравленной пустыни никто не собирався. Путники поднялись, Лишка и Данок стряхнули с копий испоганенное гарью птичье мясо, и все направились к холмам, на которые указал Калюта. В безветренном воздухе медленно кружились остатки тьмы. Люди шагали молча, остерегаясь обсуждать случившееся. Хорошо, что чёрный смерч объявился далеко от родных краёв. Плохо, что чёрный смерч вообще объявился. Да и самим ещё неожиданная встреча может аукнуться. Поэтому путники стремились идти побыстрее, а говорить поменьше.

Вечер был уже близок, и позади оставался едва ли не весь путь по безводным местам, когда Калюта внезапно остановился и указал рукой на ближний холм, привлёкший отчего-то внимание шамана. Данок, шагавший первым, немедленно свернул в сторону. Никто ни о чём не спросил, понимали, что в этих краях ради праздного любопытства шаман и шага не сделает. Раз приказал старший свернуть в сторону, значит, для того была причина.

Проснувшийся ветер лениво колыхал выпавшую копоть, и потому путешественники не сразу поняли, что перед ними не живые люди, а мёртвые тела. Трое людей лежали на склоне, уткнувшись лицами в землю. Чёрный пух густо покрывал их, но всё же сразу было видно, что это настоящие люди, а не карлики и даже не чужинцы. И нетрудно было догадаться, зачем они явились в бесплодные степи: возле двоих воинов лежали толстенные загонные копья, и у всех троих за плечом в кожаном саадаке примостились луки. Всякому ясно, люди пришли сюда сравнивать счёт со злокозненными диатритами, которые в засушливые годы, видать, опустошали не только Завеличье, но и восточные земли.

Калюта осторожно перевернул погибших лицом к грязному небу. Сдул приставшую копоть. Все трое были чернявыми, волосы такие, что женщине впору, заплетены в десятки тонких косичек. Данок поджал губы, глядя на это непотребство. В западных краях рыжие воины тоже заплетают волосы перед походом, но зато их никто и не любит. Воины с косами – настоящие люди, но пока ещё никому не удалось заключить с ними союз. Тут и глупый поймёт, что и от этих добра не жди. К тому же и лица у погибших странные: широкоскулые и слишком спокойные. Не должно быть такого лица у человека, погибшего насильственной смертью. Двое встречающих – воины в самом расцвете сил: тёмные бороды заплетены в такие же тугие пряди, что и волосы на голове; нетающий траурный снег почти не виден на скрученных прядях. Третий, ещё безбородый парень, небось как и Данок с Таши, лишь в этом году получил копьё.

– Жалко, красивый мальчик, – жалостливо бормотнула за спинами Лишка.

– Ничего себе! – Данок едва удержался, чтобы не фыркнуть смешливо, что было бы неприлично рядом с телами погибших. – Да таких красавчиков медведь испугается! Лицо пошире, нос будто кочка, и волосищи!.. – В следующее мгновение недостойная мысль споткнулась, сменившись острым стыдом, – Данок понял, кого ему напоминают незнакомцы. Да это же Лишкины соплеменники, те самые неведомцы, о которых рассказывают старики!

Данок сокрушённо затряс головой. Стыдно! Лишка, с которой на пару диатрим бьём, – из этих людей. Лучший друган – Таши, тоже носит в себе четвертинку их крови, а он об этих людях нехорошо подумал. Даже о врагах, ежели они настоящие люди, нельзя худо думать, а эти покуда перед родом зубра ничем не провинились.

Затем Данок разобрал, что бормочет шаман, и испугался. Калюта читал не просто напутствие погибшим, но причудливый заговор, полный угрозы. Шаман собирался кому-то мстить и призывал на чью-то голову сорок сороков бед и напастей. Такое только чужинцам желать впору, но чужинцы людских бед не страшатся. Так кого проклиная шаман?

– Что случилось? – шёпотом спросила Лишка, когда Калюта умолк.

– Они не сами умерли, – тихо отвечивал шаман, указав на лежащие фигуры. – Их убили.

– Карлики?

– Нет. Диатриты людей в корм своим птицам отдали бы. Их убил в спину кто-то из своих. Где их колдун? Где четвёртый из их отряда?

– Может быть, он просто выжил или испугался и сбежал, оставив товарищей одних под чёрным снегом? – неуверенно спросил Таши. Уж очень трудно было поверить, что может найтись кто-то, способный ударить в спину своего. Такой мерзости ни среди зверей, ни между чужинцами не водится. А тут как-никак люди. Легче поверить в труса, который мечется сейчас один по степи, проклиная минутную слабость.

– Чёрная пурга может задушить хворого старика или младенца. Сильного мужчину она так просто не убьёт. Отчего умерли эти люди?

– Не знаю, шаман, – честно ответил Таши.

– И всё-таки их задушил смерч... – Калюта говорил, не глядя на молодых спутников. – Задушил, потому что тот, кто должен был прикрывать воинов от беды, напротив, усилил вредоносность тьмы. А потом – ограбил убитых и ушёл, бросив тела под открытым небом.

– Как ограбил? – вразнобой переспросили воины.

– Именно ограбил, – подтвердил Калюта. – Оружие, инструмент – на месте. Вон в мешке еда. Сколь её было – не знаю, но лишнее вор оставил. А где хоть одна фляга? В пустыне лишней воды не бывает, значит, воду унёс оставшийся в живых. Но не это я называю преступлением. Твоя бабушка, Таши, единственная из родовичей, жившая среди бородатых, рассказала, что эти люди всегда носят в кисете кусочек чистой киноvari и не расстаются с ней даже после смерти. Киноварь – это кровь умерших, без неё они не смогут жить среди предков и станут неприкаянными духами. А теперь глядите: Калюта поднял с земли припорошённый злым снегом мешочек. Кисет был вывернут наизнанку, на коже виднелись следы краски, что всеми народами исстари почиталась равной крови.

Лишка стояла пригорюнившись, Таши и Данок бешеными глазами обводили окрестности, словно могли увидеть поблизости того, кто так страшно поступил с людьми. Неважно, что они из неведомых краёв, о которых дети Лара и не слыхивали, – есть вещи запредельные, преступления, которые нельзя прощать никому. И первое среди них – лишить родовича загробной жизни. Это страшней убийства.

Калюта раскрыл мешок с колдовскими причиндалами, откупорил крошечную долблёнку с киноvarным порошком, начертал на лицах умерших знаки спокойствия, затем вздохнул и, выбрав три комочка волшебной краски, вложил их в опустевшие кисеты. Люди молчали, но все понимали, что шаман поступает правильно. Неважно, что чистая киноварь стоит баснословно дорого и приносится из неведомых земель, пройдя через сотни человеческих рук. Но раз есть у людей такой обычай, он должен быть выполнен. Бородатые не виновны, что у них не нашлось могучего предка, который всякого своего потомка умеет привести в верхний мир. Так или иначе, встреч с неведомцами не миновать, а как глядеть им в глаза, если обошёл с их мёртвыми, словно с падалью? А так – расскажут умершие своему шаману о последней услуге, и, глядишь, доброе дело обернётся благом для живых.

Тела как могли завалили пластами растрескавшейся глины и поспешили в путь. Время позднее, охотничий отряд, промышлявший зверя по левому берегу Великой, должно быть, уже заждался четвёрку, ушедшую на кочевья диатритов. Эти набегі повторялись ежегодно шесть лет подряд, с тех пор, как молодой шаман вошёл в силу, и куда Калюта не потерял ни одного воина, уничтожая иной раз до десятка птичьих гнёзд. Последние два года диатриты уже не высовывались за пределы солончаков, а ведь было время, когда они разгуливали по всему Завеличью.

Этот поход был так же удачен, как и предыдущие, однако тягостная находка отравила радость, и четверо воинов шли с таким чувством, словно погиб кто-то из своих, а родичи в восстановленном селении, что раскинулось на правом берегу, ещё ничего не знают.

* * *

Тяжело гружённый караван детей зубра после недельного пути вышел к торговой поляне. Собственно, и поляной эту рощищу назвать было трудно – просто ровное место среди нагромождения камней. Кусты здесь ежегодно выжигались, и буйные травы, ничем не стесняемые и куда ещё не стоптанные людьми, были по-весеннему свежими.

Торговая поляна издревле была местом встреч не слишком друг друга жаловавших человеческих племён. Бывает так, вроде бы и те и другие – настоящие люди, не чужинцы какие-то, и делить родам нечего, а добрососедства не получается. Но на торговой поляне старые счёты забываются, поскольку без честного обмена плохо всем.

Ближние западные соседи – люди тура, давние союзники, с ними у рода зубра прочный мир. А дальше, за невысокими лесистыми горами начинаются негостеприимные земли. Живёт там несколько родственных племён, которых чохом называют – воины с косами. Это ж надо придумать, чтобы мужчины, собираясь на войну, волосы в две косы заплетали, ровно замужняя баба! Однако воевать они от того хуже не начинали, на этом все сходятся. Последние годы на западе хоть и худой, но мир. Кажется, все поняли, что торговать прибыльней, чем воевать. Люди зубра издавна поставляли в дальние страны лучший золотистый кремёнь, полосатый халцедон и самый тонкий наждак, в обмен получая товары, которыми изобильны чужие края. Ходили целыми караванами, иной раз по двадцать человек тащили на обмен свои сокровища. Сходились на торговых полянах, безоружные, выслав вперёд стариков. Старики и договаривались, что и как менять. Назад шли налегке, из камней, что в закатных краях бывают, только полупрозрачный обсидиан ценится. А так несли редкости – охру, драгоценную киноварь, горючую серу, выменянную на сладкую озёрную соль. Прежде покупали плотный и белый рыбий зуб, а теперь его берут куда как дешевле у потомков большого лосося, которые этот самый зуб в море добывают. Всякому известно, через сколько рук товар пройдёт, настолько и цена больше станет. Небось в тех краях, где киноварь рождается, цена у неё бросовая, а тут чего только не отдашь ради щепотки алой краски. То же и с рыбьим зубом – у лососей с ним детишки играют, а на берегах Великой стоит он подороже мамонтовой кости.

Вели отряд, как и полагается, трое стариков. Главный – дед Мита, он в семье зубрихи Люны старейшина. Двое других, Волох и Рад – помоложе, но тоже белобородые, каких во всём мире уважают.

К месту вышли в срок, как прошлой осенью договаривались. Охотники разложили товары, стараясь каждый так устроить, чтобы он глаз радовал и сам себя нахваливал, цену поднимая. Затем пожелали старикам удачной торговли и отошли за рубежную речку. Не годится зря на чужой земле с оружием топтаться, это всякому понятно. Торговцы, оставшись одни, начали ладить сигнальные дымы. Разожгли три костра и поверх сушняка навалили зелёных веток и травы. Увидят воины с косами обусловленный знак и явятся на торг.

– Ты смотри, – поучал хитроватый Волох Рада, который первый раз явился на торги, – ежели что тебе приглянется – виду не показывай, а то цену заломят – не укупишь. Давай-ка сюда, что они специально заказывали? – Волох переложил покрасивше пластинки чёрного шифера. – Шифер, вощину перетопленную, выхухоль – их только на киноварь меняем, ну и на малахит...

– Я бабам обсидиановые ножонки обещал, кожи кроить.

– Во-во! Так ты к обсидиану сразу не подходи, товары начинай смотреть с краю, все подряд. А потом, как бы между прочим, скажи, что согласен взять за наждак обсидианом, чтобы назад свой товар не тащить. Понял?

– Я это ещё мальчишкой понял.

– Да уж я тебя помню мальчишкой! Тебя в ту пору только ленивый не дурил. Простотой ты был, простотой и остался. Воск-то куда уложил? Давай его поближе. Интересно, и на что этим рыжеусым столько воска? Каждый год таскаем...

– Идут, – негромко произнёс Рад, указав глазами на дальний конец поляны.

Старики разом приосанились, ожидая, когда хозяева торжища подойдут ближе.

Обычно от западных людей на торговую поляну приходило десятка полтора человек, тоже все без оружия. Они раскладывали напротив принесённого свои изделия, а затем уходили, оставив трёх или четырёх мужчин постарше, которым предстояло вести торг. Молодость

горяча, попробуй при молодом купце похулить его товар или перехвалить свой, глядишь – дело кончится недобрым. А пожилые словам цену знают, на лишнее слово обижаться не будут, но и запретного не произнесут.

Однако на этот раз к торговым гостям вышло всего шесть человек, никаких товаров у них при себе видно не было, зато короткие боевые копья смотрели прямо на опешивших детей зубра. Лица у пришельцев были непроницаемы, а длинные рыжеватые волосы заплетены в тугие косы и густо смазаны кабаньим салом.

– Здравстуй, Гэл, – поздоровался Волох, признавший одного из подошедших. – Что у вас случилось?

Гэл, здоровенный мужик, с бородой уже не рыжей, а серой, молча подошёл к Волоху, смерил его недобрым взглядом и, не сказав ни единого слова, ударил в лицо, сбив шупленького Волоха наземь. Остальные пятеро, отставив на время оружие, принялись рыться в принесённом для обмена, выбирая и засовывая в мешки то, что подороже да полегче. Прочее швырялось на землю, меха и воск, специально добытый и принесённый на майдан с надеждой на большую прибыль, полетели в костёр.

– Да что ж вы делаете, охальники! – закричал Рад, не выдержавший такого бесчинства, и бросился было вытаскивать из полымени быстро оплывающие кругляши воска. Один из грабителей оторвался от своих дел и саданул старика древком копья, словно палкой. Рад охнул и дальше уже стоял молча, глядя на происходящее непонимающими глазами.

В несколько минут то, что можно было унести, грабители распихали по мешкам, а прочее – перепортили как только могли: тонкие пластины шифера и наждака были разбиты ударами топоров, то, что могло гореть, покидано в костёр. Напоследок бородатый Гэл вновь подошёл к успевшему подняться Волоху, не торопясь примерился и второй раз грязнул ему по зубам, спокойно, словно не человека бил, а от нечего делать испытывал силу руки.

Затем все шестеро, так и не сказав ни единого слова, канули в кустах, оставив троих стариков среди всеобщего разгрома.

– Наторговались, – проговорил дед Волох, сплёвывая в ладонь вместе с кровью выбитый зуб. – Добра нажили – не пересчитать... И ведь знакомые люди-то! Этот Гэл, чтоб ему Лару на рога напороться, уже три года здесь торгами заправляет. А тут вдруг косы заплести решил. Как же это понимать-то?

– А так и понимай, что быть войне, – изрёк молчавший до этой минуты дед Мита.

* * *

Тейко Быстроногий – молодой вождь, всего два года носящий на поясе кистень из зелёного нефрита, вышел из круглой землянки, аккуратно поправил шкуру зубра, запиравшую вход. В круглой землянке должен жить главный шаман племени, потому и форма у неё такая, и вместо двери висит шкура покровителя рода. Вот только шаман уже не жил, а умирал. Много лет неведомый недуг терзал слепого Матхи, всё реже люди видели шамана бьющим в бубен и призывающим тени предков. Люди больше привыкли полагаться на Калюту – тот хоть и не столь мудр, но помоложе, его потревожить не грех. Вождь тоже привык не считаться с ослабевшим шаманом, и оказалось, что зря. Сегодня утром Матхи позвал к себе вождя, и когда Тейко пришёл, приказал разыскать нефритовый нож.

Не о том думалось вождю, когда шёл он к круглой землянке. Надеялся Тейко услышать добрый совет, как поступать с далёкими западными соседями. Дело там шло к войне, и хотя сам Тейко воевать был не прочь, но понимал, что тут за весь род решать приходится и, значит, будут недовольные. Война на западных границах прежде всего коснётся селения, что на Бело-струйной. Народ там разнежился от удобной жизни, воевать не хочет. И старейшины, четверо из пяти, там живут. А слово старейшин на племенном совете веско. В таких случаях, когда

вождь со старейшинами мыслью расходятся, люди ждут, что скажет шаман. А слепец Матхи, вишь, не о войне мыслит, а о поисках ножа!

Конечно, о войне Тейко задумался не из любви к раздорам. Причина была немалая, прежде из-за меньшего, бывало, люди в поход выходили.

Что-то там старики про рыбий зуб говорили... Но не из-за рыбьего же зуба закятные племена свару начинают? И всё же караван, ушедший за Белоструйную, вернулся без товаров. Прямо на издавна освященных торжищах, где и ссор-то вовек не бывало, набросились на безоружных стариков бесчестные соседи, ограбили, избили и хорошо хоть смертью не поубивали. И волосы у грабёжников заплетены были по-походному – в две тугие косы.

Не можно такое прощать, у всякого при известии о предательстве рука сама должна тянуться к копыю. Однако нашлись-таки и среди детей зубра любители оглядки, что мир ставят выше чести. Сход на Белоструйной решил торговлю с обманщиками разорвать, а с войной погодить. Мол, мы без пемзы, киновари и малахита как-нибудь проживём, а вот как они без кремня и наждака обойдутся? Казалось бы, биты жители Белоструйной, так какое дело до этого Тейко?.. Но он вождь и должен думать обо всём народе. Раз позволишь, чтобы твоих людей на торгах били, так потом уважения от сопредельных племён не жди...

Короче, было о чём молодому вождю толковать с шаманом, и входил Тейко в круглую землянку, настроенный на самый серьёзный лад. А Матхи о делах и слушать не стал, говорил только о потерянном полжизни назад ноже. Пятнадцать лет род без потерянной святыни жил, нашествие диатритов за это время окончательно отбили, отстояли перед другими родами свои права на лучшие земли по берегам Великой, отстроили два разгромленных селения, вернули чуть не всё, что было потеряно. А теперь, значит, без волшебного ножа погибнем. Что-то Матхи, с постели не вставая, вызнал такое, что показалось ему важнее предстоящей войны.

«Беда близится, – шептал умирающий слепец, – без родовой святыни не выстоять роду...»

А была ли святыня или это в бреду привиделось старому Матхи?

С таким делом Тейко столкнулся впервые. Прежде заботы вождя были просты и понятны, дела волшебные его не касались. Конечно, всякий родич знал, что совсем недавно священный родовой нефрит был куда больше, чем ныне. В прежние времена вожди носили нефритовую дубинку в полтора локтя длины. Тейко в молодые годы, бывало, поглядывал на каменный скипетр, мысленно примеряя его к своей руке. Мог ли он думать, что человеческий век окажется прочнее несокрушимого камня? Многие помнят годы небывалой засухи, когда остановилась полноводная река и из дальних степей хлынули орды диатритов. Тогда, в последней битве, погиб вождь Бойша, а святыня рода переломилась пополам. Сам Тейко не видал этого, ему выпало сражаться в другом месте, но люди рассказывали, как это было, и рассказы их рознились не больше, чем рознятся всякие рассказы очевидцев.

Однако оказалось, что сломанный нефрит не сгинул бесследно. Тихоня Стакн – мастер, какого не знавала земля, подобрал обломки и смастерил из одного чудесный кистень, который с тех пор оставался священным оружием рода. Двенадцать лет кистень принадлежал хитроумному мастеру, а теперь травянисто-зелёный кругляк носит Тейко. Из второго куска, как говорят, был сделан нож, которым Таши Лучник убил Кюлькаса. Но мало ли, что говорят в минуты отдыха! Если всякой болтовне веру давать, то лучше и на свете не жить. Кто-кто, а уж Тейко Таши Лучника как облупленного знал. Однажды, было дело, и морду ему начистить собирался, да рука на мальчишку не поднялась. Это теперь о Таши песни поют, а тогда ему вслед плевали, мангасу проклятому. Потому и сказкам о волшебном ноже Тейко не слишком доверял: рассказать можно что угодно, а как всё на деле было, надо у живых спрашивать. Вот только спрашивать-то не у кого, стариков в роду после всех бед почитай и не осталось. Прежний вождь ничего о ноже не говорил, безрукий колдун и старая ведьма – мать нынешнего Таши,

и подавно помалкивали. Вот и уверился Тейко, что нет на свете никакого нефритового ножа и никогда не было.

А теперь слепой шаман, что когда-то посвящал в воины самого Тейко, позвал вождя в свою землянку и, лёжа на тёплых шкурах, прошептал:

– Найди нефритовый нож, которым убит Кюлькас.

– Так разве он есть на свете? – не поверил вождь.

– Есть. Я видел его тогда и вижу сейчас. – Матхи приподнялся было на постели, но старческая немощ опрокинула его назад. – Я вижу: надвигается беда, а потомки Лара ослабели, и предки не хотят помогать тем, кто потерял священный нефрит.

Как же, много он видит своими бельмами...

– Где ж я его найду? – зло проскрипел Тейко.

– Нож лежит на дне Великой, там, где река делает излучину, прощаясь с Истрцом. Это чуть ниже тех мест, где прежде было Низовое селение. Там, в одной из придонных ям и лежит нож. Найди... Без священного ножа род не сможет отстоять себя.

Холодом продрало вождя от этих слов. Кто же не знает последней излучины Великой реки? Когда-то там на крутом берегу стояло одно из четырёх селений рода – Низовое. По нему первому ударили проклятые диатриты, напустили на людей своих птиц, залили благодатную землю человеческой кровью. Такое место не бывает добрым: непогребённые родовичи не прощают живым небрежения. Случись такое в иное время – шаман со стариками дневали и ночевали бы на смертном поле, приносили бы жертвы, собирали частицы праха, стремясь умиловать погибших родовичей. По каждому из погибших вырезали бы деревянную куколочурку и похоронили бы честь честью. Но тогда, в страшную годину, было людям не до того. Кто станет чуров резать, если выжил едва ли один человек из пяти? А из Низового в ту пору вырвался всего один человек: Лихор. Он и сейчас живёт в Верхнем, что в двух неделях пути от родного пепелища.

Так что на старые пепелища людям пути нет. Некому там жить и незачем. Совсем рядом от тех мест лежит Сухой лиман, логово, из которого начинает свой путь Хобот. Именно там среди солёной грязи и полынных кустов встретил смерть предвечный владыка Кюлькас. Оттуда ползёт по миру нечисть и нежить. Погиб предвечный властелин, но магия Кюлькаса осталась, свободно растеклась по миру, меняя его. Прежде-то куда как проще жилось, колдовства да волхования меньше было. Оттого и старая кровь на Низовом упокоиться не хочет. Когда-то Тейко ходил в те края, в ту пору, пока люди ещё не смирились, что нет больше Низового селения. Так еле ноги оттуда унесли. Не поняли даже, что там буянит, а Тейко так и не старался понять. Он воин, а духами и демонами пускай колдуны занимаются. Вон, йога паршивая пусть в тех краях живёт. Тоже мне колдунья – не могла убитого Кюлькаса как следует, сжечь. А может, и не пыталась, свидетелей-то нет... Может, это её любовник Таши там бродит неупокоенный... – Тейко передёрнул плечами: разбередил шёпот умирающего шамана старую ненависть, и не будет теперь на душе мира.

Жестом, ставшим привычным за последний год, Тейко огладил висящий на поясе кругляш кистеня. Камень был холоден, никакой особой силы в нём не ощущалось. А ведь в те времена, когда нефрит целым был, Бойша им такое вытворял – вспомнить жутко! Неужто на самом деле вся сила в другом куске осталась? Тогда и впрямь – беда. Кто станет искать волшебный нож, если к излучине у Низового живому человеку не пройти? Да и Великая там поперёк с доброе поприще будет – хоть нырай, хоть сети бросай, вовек ничего не сыщешь. Затянуло небось камень илом, ищи его до послебудущих времён. Да и вообще, с чего бы волшебному ножу напротив Низового лежать? Конечно, лиман оттуда близок, а всё – день пути. Не ведьма же проклятая нож в реку бросила... хотя, с неё станется, нефрит камень мужской, колдуньям ненавистный. Но ведь Ромар рядом был, он бы не позволил. С какой стороны ни посмотри – ерунда получается.

– Не было никакого ножа, – прошептал Тейко. – Сказки это. А то что же получается? Два нефрита, две святыни и два вождя? Не бывать такому! Просто у старика разум мутится, померещилось что-то сослепу, вот он и бредит.

В проулочке между домами появился мальчишка-гонец, крикнул, что за Великой виден сигнальный дым. Значит, охотники с лова возвращаются. Давно пора. Не иначе, опять задержались из-за отряда, что против диатритов ходил. Дело хорошее – чужинцев бить, а вот не лежит у вождя сердце к яйцеедам, что вместе с молодым шаманом ходят. Молодой Таши там и девка-чужинка. Их бы самих проверить, что за кровь в них течёт. Небось только с виду красная, а на деле – черней ночи.

– Передай рыбакам, пусть плоты готовят, – скомандовал вождь, хотя и знал, что плоты для перевозки добычи уже неделю как излажены и ждут возвращения охотников.

* * *

Таши, как и полагается холостому охотнику, жил в Доме молодых вождей. Конечно, у него есть мать, но всякий знает – не дело воину прятаться за материнской спиной. К тому же Уника – мать Таши, была не просто пожилой женщиной, недавно разменявшей четвёртый десяток лет, а колдуньей, с которой вернулось к людям древнее искусство баб-йог. Большую часть жизни Уника проводила в дальних лесах, где и сильный охотник не вдруг сумеет выжить. О дремучей нечисти и лесных зверях вслух даже говорить не принято, чтобы не накликать беды на родичей. А Уника жила себе в тех краях, словно за спиной у всего рода.

Впрочем, Таши волшебствами не интересовался: «В отца уродился», – частенько повторяла мать. Легендарный Лучник тоже не любил волшебные силы, с которыми ему столько пришлось сражаться. Куда больше он полагался на силу рук и верный глаз, оставив колдовские заботы безрукому Ромару, который и сейчас живёт среди людей.

Вернувшись из похода, Таши с головой погрузился в простые заботы молодого воина. В свою очередь выстаивал караул на воротах, что с тех пор, как погибло Низовое селение, считалось обязательным, охранял от потравы зреющие нивы, копал в речных обрывах кремнёвые желваки, мастерил оружие и всякий инструмент. А вечерами болтал с отдыхающими родичами, слушал рассказчиков или возился с какой безделицей из тех, что украшают жизнь. История похода на диатритов была рассказана и обсуждена много раз, так что Таши забыл и тревожиться о странной смерти бородатых неведомцев. Жаль людей, но что поделаешь, от удара в спину никто не заговорён. А об остальном пусть беспокоятся колдуны.

Этой ночью к отаре выходили волки. Должно, какая-то приبلудная стая, из тех, что не привыкли обходить людские селения стороной. Псы, ночевавшие поблизости, подняли гай, всполошив пастухов. Таши и Данок, караулившие посеы, тоже примчались на шум. Данку повезло взять на копьё матёрого волчину, а Таши просто побегал и поорал в своё удовольствие. Теперь он, предвкушая свободный день, шагал через селение. Под навесом возле Дома молодых вождей на огромном очаге кипела похлёбка для будущего обеда. Конопатая Калинка металась вокруг, успевая помешивать варево, что-то добавлять в него и в то же время печь на раскалённом глиняном противне пресные, круто замешанные лепёшки. Ничего не скажешь – немалый труд накормить едва ли не сотню здоровых парней.

– Вкусно пахнет вкусным супом, – произнёс Таши, подходя, и получил в награду за похвалу румяную ячменную лепёшку, такую горячую, что если куснуть неловко, то волдыри на языке выскочат. Никто лучше Калинки не умел делать пресный хлеб, и похлёбки у неё были духмяные – с чабрецом и ещё какими-то травками. Недаром уже десять лет кряду Калинку нарекали Мокошью – лучшей хозяйкой. Вроде бы привыкнуть пора, а она радуется, ровно девчонка.

Перебрасывая подарок с руки на руку, Таши прошёл в дом. Оказавшись в своём закутке, открыл берестяной туес со всякими пожитками и поделками, выбрал наждачное точильце, десяток костяных свёрл и прозрачный камешек.

В прошлом году во время осеннего похода на левый берег Великой Таши сумел найти редкостную вещь: каменное гнездо. Расколол на пробу тугой неподатливый булыжник и обнаружил внутри сверкающую друзу лиловых кристаллов. Камень аметист ещё реже и ценней, чем чистый хрусталь. Среди людей самоцветные камешки во все времена ценились, а прозрачные – особо. Кто такой амулет носит, тому никто худа сделать не сможет и даже нехорошо подумать о таком человеке никак невозможно. В прозрачном камне скрыта незамутнённая сила предвечных властелинов, сила огня, воздуха, льда и чистой воды. Конечно, шаман предпочитает носить яшму, оникс, а из мягких камней – малахит. Это камни тайные, с хитрым рисунком. Такой самоцвет для колдовства хорош, необученный взор сквозь них ничего не увидит. Но для простых дел прозримый камень лучше. Никакой знахарь не выйдет на сбор трав без хрусталька на шее. А уж для девушки нет желанней подарка, чем подвеска из стеклистого камня. В семье такие сокровища, словно хороший инструмент, из поколения в поколение передаются, от матери к дочке.

Делать украшение из самоцветных камней – великая наука. Тут не колоть надо, а сверлить и шлифовать, покуда хватит терпения. А уж с хрусталём и аметистом работать почитай никто не умеет, разве что Каяк – молодой мастер, пришедший в селение от людей лосося в обмен на Лишкину сестру Тину. А следом и Таши с этим делом возиться начал – мягкой костью твердейший прииск сверлить. И ведь поддаётся камень – глядишь, через год будет готово небывалое ожерелье из пятнадцати сине-алых аметистов. А уж кому его подарить, Таши знает.

На этот раз вволю повозиться со своим рукодельем не довелось: на улице раздался призывный крик, и Таши, схватив лук и копьё, бросился к воротам. Оказывается, за рекой объявилось два дыма, а это значит, что караул, ежедневно отправляющийся в Завеличье, предупреждает родичей, чтобы были наготове. Два дыма – ещё не опасность, но на всякий случай стоит взяться за оружие. Поэтому все свободные воины спешно собрались и отправились к переправе, что напротив Сухого острова. Подготовили лодки и стали ждать. Прежде, говорят, люди лодок не знали, эта придумка тоже от лососей пришла – Ромар принёс. Сначала народ остерегался доверяться шатким долблёнкам, плоты казались надёжнее, а теперь привык. Те, кто помоложе, и не верят: как это, на реке и без лодки? Если что грузное везти надо, тогда плот лучше, а так – лодчонка куда способнее.

Часа через полтора на том берегу появились люди, приветственно помахали ожидающим и тоже начали спускать лодки.

– Ты гляди, – негромко произнёс Тукот, бывший старшим в отряде, – у них там никак чужаки. Человек пятнадцать будет.

Все и без того видели, что народу на противный берег высыпало порядком больше, чем уходило. Но раз вместе шагают, значит, войны не будет. Может, торговать незнакомцы наметились или ещё по какой надобности идут. Об этом простым воинам рядить нечего: соберутся старшие, они и решат. Жаль, что из пяти старейшин в Большом селении живёт всего один – Мугон. Остальные четверо на Белоструйной, там ни войны, ни разгрома не было, вот старики и уцелели.

Воины разом перевели дух, опустили оружие. Мирные гости – всегда к добру, на свете и без того слишком много врагов, чтобы без веской причины ссориться пусть даже с дальними соседями. Лишь Таши стоял, напряжённо вглядываясь вдаль. Он уже видел, что вместе с разведчиками идут соплеменники тех людей, что встретились им в пустыне. Теперь Таши не отпускало тяжкое предчувствие, что среди этих путников прячется и тот, кто убил своих товарищей в далёких владениях диатритов. Нельзя такого пускать в родимые земли, предатель – хуже чужинца, ни один нормальный человек не станет иметь с таким дела. Но и гнать воло-

сатых тоже нельзя, ведь они не виноваты, что среди них затесался такой выродок; может быть, они даже и не знают о предательстве, думают, что из всего отряда случайно спасся всего один. А может быть, это и вовсе другой род, мало ли на свете схожих людей... Посоветоваться бы, да не с кем. Вождю о таком не скажешь, крут Тейко и не любит чужаков – враз рассорит потомков Лара с незнакомцами. Калюта бы разобрался, но его нет в селении, ушёл к Белоструйной, по делам и родных навестить – все братья и сёстры шамана живут в Западном селении. А Матхи уже никто и не упомнит, когда последний раз выходил из круглой землянки. Умирает старый шаман. И Ромара нет, и матери, вот ведь незадача!.. Смотри теперь на незваных гостей и мучайся неизвестностью.

Между тем лодки отплыли от закатного берега и наискось пошли поперёк течения. Уже всем было видно, кого везут разведчики, и разговоры среди встречающих смолкли. Ох, непохожи гости на торговых людей, вздумавших менять лунный алебастр на кремь и лесной мёд на хлеб! Среди полутора десятков незнакомцев были две или три женщины, одна так даже с ребёнком, и не было ни единого старика, хотя именно старики первыми идут беседовать с новыми людьми.

– Нехорошо, – громко вздохнул Тукот. – Не ладно... Пятнадцать лет назад, помнится, люди тура также через реку шли, а за ними по следам – диатриты...

Таши едва не фыркнул от возмущения. Откуда сейчас диатритам взяться? Об этом они с Калютой позаботились – укоротили карликов. Их теперь и от земли не видать. Да и не может Тукот помнить возвращение людей тура, в том году ему едва исполнилось семь лет, и никто бы его с копьём на крутояр не пустил. И лишь через минуту Таши понял, о чём говорил старшой. Не гостей везут разведчики, а беженцев! И от кого они спасаются – покуда никто не знает. Уж не от того ли сородича, что своих в спину бьёт?

Перегруженные долблёнки пристали к берегу куда ниже привычного места. Разведчики вместе с волосатыми гостями по мелководью погнали лодки наверх. Встречающие продолжали молча стоять над обрывом. Покуда никто ничего не сказал – их дело ждать. Таши лихорадочно соображал: а как они будут разговаривать с пришельцами? Люди неведомые и говорят по-своему. Ромар их язык знает – научился у Ташиной бабки, что была у волосатых в плену. От Ромара чуть не полплемени обучилось здороваться на незнакомом языке, а больше, пожалуй, никто и не скажет.

Управились с лодками, поднялись на крутизну. Полтора десятка смертельно усталых людей, женщина с ребёнком двумя руками прижимает к груди своё дитя, затравленно смотрит на незнакомых вооружённых мужчин: что-то они принесут её младенцу.

Тукот негромко переговорил со старшиной разведчиков. Тот тоже ничего не мог сказать: встретили этих вчера в степи. Поздороваться поздоровались, признали друг друга людьми, а дальше разговаривали картинками. Что случилось в селении у волосатых, понять так и не сумели. Ясно одно – беда. Кто-то напал, а кто – неясно. Кроме этих, никто вроде не спасся, а было, если правильно поняли, тысячи полторы человек – неслабый род.

– Ладно... – вздохнул Тукот. – Пошли к дому, старшие разберутся, что там у них случилось.

Воины окружили приехавших, повели через поля туда, где грозно прокалывал небо неприступный частокол, ограждавший селение. Навстречу вылетел пяток собак, что всегда крутились вокруг людей. Впереди бежал Турбо – вожак, единственный из собачьего племени, имевший собственное имя. При виде чужаков Турбо зашёлся хриплым рёвом, насканивая на идущих. Таши пришлось прикрикнуть на пса, а то наверняка мохнатый сторож вцепился бы в одну из женщин. Что случилось, с какой стати пёс на бабу лаять вздумал? Не иначе почуял Турбо гнилицу, да не умеет сказать... Может быть, эта самая девка и есть тот злодей, что своих бьёт? Да не может такого быть, женщина же, и на Лишку похожа, словно родная сестра! Лишь

бы вождь по-умному поступил, не сделал какой ошибки... А то, может, Матхи ради такого дела встанет с одра, спросит предков – им из верхнего мира людские дела хорошо видны...

Вот и селение, вход заложен дубовыми плахами, перед воротами стоят вождь и старшие охотники. Сейчас и решится – пустят инородцев в стены или нет.

– Кто такие? – грозно спросил Тейко, поигрывая зелёным кругляшом кистеня.

Пожилой бородач шагнул вперёд и произнёс длинную фразу, из которой Таши разобрал одно или два слова, прежде слышанных от Ромара.

– Ничего не понимаю, – процедил Тейко. – Зачем вы привели этих, если они даже по-людски говорить не умеют?

– Они просят помощи и укрытия, – громко произнесла Лишка. – Говорят, что весь их род уничтожен неведомым врагом. Эти люди единственные сумели спастись. Они хотят, чтобы мы приняли их в свои семьи.

Надо же, Лишка-то, оказывается, уроки Ромара помнит – худо-бедно, но разобрала сказанное. Так вот зачем старый колдун заставлял учеников говорить на тарабарском языке волосатых людей! Знал старик, что доведётся встретиться и тогда потребуются толмачи.

Тейко дёрнулся, хотел оборвать девку, сунувшуюся в разговор мужчин, но смолчал: без Лишки, поди, и разговора никакого не получится.

– Скажи им, – медленно произнёс Тейко, – что мы примем решение позже, когда соберутся старейшины и вернётся шаман. Прежде посмотреть надо, люди это или чужинцы...

Мугон, седой, но ещё сильный воин, старейшина одной из семей, предостерегающе кашлянул, и вождь умолк, не договорив. Ясно ведь, что это люди, их кровь давненько с кровью Лара мешается, просто прежде не доводилось в глаза друг другу посмотреть.

Тейко сжал губы, закаменел лицом. Всюду эти старики со своими советами суются. С диатритами небось сами справиться не могли, а теперь учат, как жить следует! Да будь его, Тейко, воля, побили бы давно чужаков, и голова бы ни о чём не болела.

Через щель между неплотно задвинутыми плахами проскользнул Роник – мальчуган лет шести, приставленный смотреть за умирающим Матхи. Подбежал к вождю, коснулся руки:

– Шаман зовёт, срочно!

Ещё и этот суётся под руку! Не совет, а бабьи посылки! И Матхи туда же – небось опять примется стонать: найди нефритовый нож. Лежит, мол, на дне Великой в глубокой яме среди песка и ила, а рядом омутинник скорчился, нянчит покалеченные пальцы, копит злость. Нашёл время сказки рассказывать!.. Тейко подавил желание дать пострелёнку леща и лишь бросил вполголоса:

– Скажи Матхи, что мне недосуг. Завтра зайду.

Теперь предстояло объявить, что делать с чужаками. Тейко потёр лоб и произнёс, глядя в заросшие волосьями лица:

– Пока мы не решим, как поступить с вами, вы будете жить в гостевом доме, вас будут кормить и поить. Но оружие вы отдадите нашим воинам.

Лишка перевела сказанное, волосатые склонили головы, соглашаясь. С тонким скрипом поползли в пазах тяжёлые плахи, открывая проход к домам. В стороне, среди кустов терновника, надрывно завыл собачий вожак Турбо.

* * *

Летние ночи на Великой стоят тёмные, и сторожевой костёр возле ворот не может рассеять мрак. Очаги возле домов потушены, лишь в загнётках сохраняется огонь, чтобы с утра сразу вздуть очаг. А уж в самих домах летом огня вовек не бывало – огонь в доме среди ночи горит, значит, пожар в округе бродит. И уж подавно никакой светец не нужен в круглой землянке, где на старых, изношенных за долгие годы шкурах лежит слепой шаман. Зачем незря-

чим глазам свет? – он и без того правду видит. Горькую правду, какой только ясновидящий может в глаза смотреть. Видит Матхи – беда пришла, следом горе торопится. Облизывает жёлтые клыки ненасытный Хурак, за ним Жжарг – пожиратель детей маячит. Вошла неведомая опасность в селение, а вождь на зов не явился. Никто не пришёл к слепому чародею. Хотел Матхи сам подняться, выйти к людям крикнуть всполох, но горячо сверкнуло в голове искристое пламя, и отнялись ноги, пропал голос. Тяжкая мука – видеть и не мочь. Нет горше казни, чем знать, что не сумел оградить близких людей. Много лет волочил Матхи на совести прежний грех, а теперь к нему новый прибавился. Когда-то из-за Матхи лишился род волшебного оружия. Один Ромар знал тогда правду, но не сказал никому, оставил шамана наедине с совестью. Зря оставил, кто раз непригоже поступил, тот и второй раз протоптанной тропкой пройдёт. Вот оно, подошло время, когда людям потребуется вся их сила, а вождь шаману не поверил. И вчера не пришёл, когда у ворот творилось что-то страшное. А Матхи там не было, остался лежать, придавленный болезнью. За такое не прощают, да и сам себя не простишь. Должен был встать, должен крикнуть. А теперь – поздно жалеть...

Лежит слепой шаман, придавленный немощным телом, а колдовским взором видит, как сдвигается в сторону шкура, как, презрев заклатья, проскальзывает в круглую землянку тёмная фигура. Пёстрой желтизной блеснули во тьме чужинские глаза, растянулся в улыбке широкогубый рот.

– Ты учуял меня, слепой колдун? – безмолвно спросил призрак, склоняясь над парализованным колдуном. – Я тоже почуял тебя. Но я сильнее и успел ударить раньше. Ступай и скажи своим предкам, что потомков у них больше не будет.

Чужая рука сдавила горло, медленно, не торопясь, желая почувствовать каждое биение умирающей жизни. Матхи не дёрнулся, не застонал. Не было сил сражаться ни за свою, ни за чужую жизнь, хотя мудрый слепец знал, что за такое быть ему неприкаянным духом, что плачут по ночам над своей и чужой судьбой.

Потаённо усмехнувшись, убийца покинул землянку шамана, незримой тенью шмыгнул к гостевому дому, возле которого даже караула выставлено не было. Непотревоженная тишина висела над спящим селением. Утром люди увидят, что слепой шаман перестал дышать и ушёл к предкам. И никто не заподозрит дурного.

И лишь когда ждущая тишина сменилась тишиной спящей, в глубине осиротевшей землянки шевельнулась ещё одна тень. Шестилетний Рон, о котором в суматохе все забыли, выбрался из закутка и поспешил на улицу. Он понимал, что только что совершил преступление. Не бросился на врага, не погиб, защищая учителя. Ни один воин никогда не поступит так. Но об этом Рон не думал. Потом ему скажут, правильно ли он поступил, а сейчас надо довершить задуманное. Он не воин и не шаман, он мальчик на выученье. И сейчас ему приходится действовать там, где не разобрался могучий Тейко и погиб мудрый Матхи.

Незримой тенью Рон проскользнул между домов, поднялся на пристенок у частокола, зажмурившись от страха, спрыгнул вниз. Земля больно ударила по пяткам, но Рон, сдержав вскрик, поднялся и захромал к Старому ручью. Нетопырь рваной тенью пронёсся над головой, скрипуче крикнула пустельга. Звёзды – глаза небесных волков, смотрят в разрывы между тучами, высматривают, что творится на земле в этот час. Мать рассказывала, что ночами вокруг селения бродит ошеренный Жжарг, ждёт, не вылезет ли кто из малышей за стены на поживу кровожадному демону. От него не спрячешься – небесные волки увидят и укажут демону, куда надо спешить.

В темноте мигнули два красных глаза, уставились на замершего мальчишку. Потом ночной воздух подсказал, что рядом живое тёплое тело, запах мокрой шерсти коснулся ноздрей. Холодный нос ткнул беглеца в плечо.

– Турбо! – прошептал мальчик, погладив мокрый взъерошенный бок. – Как хорошо, что ты пришёл, с тобой я не пропаду...

Вдвоём они вышли к заводи, куда днём бегали по воду посланные матерями детишки. Турбо, наклонившись к воде, начал лакать. Рон выждал, пока ручей успокоится, провёл над гладко струящейся водой ладонями, начал, запинаясь, читать заклинание, которого ребёнку произносить вовсе не следовало. Старый Ромар говорил, что прежде такого волшебства в мире не было, а после смерти Кюлькаса с водой много чудного происходить стало. Вот и это заклинание – с виду простое, а на него теперь вся надежда. Утром проснётся шаман Калюта или всезнающий Ромар, подойдут к реке или ручейку вымыться со сна или просто напиться, а из текущей воды раздастся голос шестилетнего шаманыша Рона:

– Беда! Чужинцы пришли, оборотни! Матхи убили, вождю глаза отвели... Чужинцы в селении!

Глава 2

Притомившийся за день лик Дзара касался древесных вершин. Здесь, на севере, вечера были невиданно длинными, ещё не один час пройдёт, прежде чем опустится на землю недолгая тьма. А до этого солнце так и будет просвечивать сквозь листву, потом на полнеба раскрасуется закат, полный обманчивого света. Длинный вечер – много времени для негромких вечерних воспоминаний, усталых, как и сама вечерняя земля.

Уника, прикрыв глаза, сидела возле вросшего в землю серого камня и слушала тишину. Другой бы не посмел вот так сидеть в лесу: беспечного здесь мигом сделают безжизненным – но ей можно многое, что недоступно прочим. Ни один зверь, ни единый дух или странное существо не посмеет подойти к её дому без специального зова. Самовольно прийти может только человек, но кому ходить в этакой глухомани? К тому же заклинаний кругом наплетено – курчавке впору, как сказал когда-то Ромар.

Дом громоздился за спиной, такой же нелепый, что и прежде, но давно ставший знакомым до последнего брёвнышка в стенах. За шестнадцать долгих зим ни единое бревно не разрухлявилось, ничто не поветшало, надёжно заговорённое от действия непогоды и времени. Так же щерятся на подходящих клыкастые черепа, так же кудрявится у застрех почерневшая от копоти берёста, которой покрыто жилище. И не прохудилась крыша, не прогнила, не протекла. Стоит избушка на двух еловых пнях, и всякий готов подумать, будто не падает она только оттого, что не может решить, на какую сторону завалиться. Так и будет она стоять, покуда сохранно на земле старое женское ведовство.

А ведовство будет сохраняться, покуда она, Уника, возвращается сюда, чтобы сидеть возле серой гранитной глыбы. Под этим камнем похоронены Таши и злой мангас, посмевавший впустую тревожить предвечную магию. Во всём мире только два человека знают, где Ташина могила, все прочие верят, что Таши Лучник погиб возле Сухого лимана, в сражении с бессмертным Кюлькасом. Пусть верят, так проще и для мёртвого, и для живых.

Тяжело и сладко сидеть, опустив руки, вспоминая несбывшееся счастье. Хорошо хоть сыном предки её не обидели. А то ведь сколько волнений было – а ну как сбудется древнее проклятие и вместо сына родится невесть кто... Старухи-то предрекали худое. А уж когда во время давнего похода встретила им сама проклятая Слипь... до сих пор страшно вспоминать. Сегодня родичи верят, что бабу-йогу ничем не проймёшь, а она и сейчас, как девчонка, дрожит от слова «слипь». У каждого человека свой ужас в душе живёт, даже у Ромара, который столько прожил, что мог бы уж ничего не бояться. Таши рассказывал, как перепугался когда-то безрукий старик при встрече с дремучим рузархом. Оно и немудрено: в давние времена Ромар лишился рук во время схватки с этим зверем. А у неё вон череп рузарха на колу висит, щерит двухвершковые зубы; кость выбелило ветром и дождями. Охраняет небывалый череп небывалую избушку, что стоит посреди леса на деревянных ногах.

Ох, Таши как удивлялся, увидав впервые жилище йоги! А Унике в ту пору ничего не казалось странным. Как домой вернулась, когда впервые вышла из смородинных зарослей на потайную поляну. Оно и есть – домой. Где ей ещё жить-то? Другие бабы, так ли, сяк, но жизнь устраивают. Вон, Калинка, уж как по своему Малону убивалась, а сейчас – Мокошью зовётся, детей полон дом и своих и приёмшей, все к Калинке льнут. А Унике выпало быть йогой. Стоит ей показаться в любом из селений, детишки по домам прячутся – боятся. С колдовством шулки плохи, без нужды его касаться нельзя. Жаль, что редко выпадает дело для мудрости бабы-волшебницы. Вернее, хорошо, что редко выпадает. Для рода – хорошо, а для Уники – тоскливо. Сиди одна и вспоминай неудавшуюся жизнь.

И ведь как ни крути, а жизнь уже прошла. Три десятка стукнуло, седина в волосах завелась. У других в эту пору по десять детей бывает, о внуках начинают помышлять. Внуки, может,

и у неё будут, сын-то молодцом уродился, и у матери, и у отца всё взял. А не женихается, по всему видать, ждёт парень, пока зазноба подрастёт. Это хорошо, в добрый час...

Вот ведь как – жизнь прошла, а в памяти всё молодо, как шестнадцать лет назад. И Таши – живой перед глазами, не сын, а муж. Это для других он Лучник, а для неё – просто Таши. И начавшее вянуть тело как наяву помнит его прикосновения.

Уника вздрогнула, вскинула голову. Никак она задремала, вот этак, сидя под открытым небом? Не заметила, как и стемнело. На западе едва багровеет полоса, словно гаснущие в очаге угли. Могильный камень горбом выпирает из земли, тяжёлый, полсотни силачей разом не сдвинут. А рядом с камнем стоит человек: высокий, широкоплечий – не обозначаешься...

– Таши... – тихо выдохнула Уника, – вернулся...

Таши шагнул навстречу, молча склонился над безвольно сидящей Уникой. Лицо знакомое, родное, ничуть не постаревшее за прорву канувших лет. Карие глаза под густыми бровями в самую душу смотрят. Откуда в предночном мраке цвет глаз рассмотреть, а вот умудрилась, рассмотрела... От этого взгляда кругом пошла голова, словно в жаркий полдень на цветущем лугу сладкий клеверный дух туманит разум, и ничего не осталось, кроме родных глаз.

– Вернулся... вернулся... Я всегда знала, что ты придёшь...

Тяжёлая, такая знакомая ладонь легла на плечо, торопливо скользнула под распахнутую безрукавку, коснулась груди, заставив Унику вздрогнуть и напрячься от полузабытого счастья.

– Таши, родной, я же старая совсем...

– Ну что ты, ведь я люблю тебя, родная моя, любимая...

Слово в слово как тогда, полжизни назад...

Нетерпеливая рука – вечно Таши был неуёмным! – потянула в сторону мешающую одежку и вдруг отдернулась, как испугавшись чего. Ну конечно, накололся, забыв, что в полочку безрукавки воткнута игла – проколка, сработанная Стаком из малого кусочка чудесного нефрита. Именно этой проколкой, а вовсе не потерянным ножом был убит чудовищный Кюлькас.

– Осторожней!.. – шепнула Уника. Она подняла руку, чтобы выдернуть так неловко попавшую иглу, и едва не закричала от страшной боли в обожжённых пальцах. Проколка казалась раскалённой, простой огонь не умеет так жечь! В следующую секунду пелена спала с обманинутых глаз, и Уника с трезвой ясностью увидела, кто стоит рядом с ней. Не было в нём ни единой близкой черты, всё казалось чужим и враждебным. Жабий рот, пасть, а не рот, глаза с незнакомым разрезом, волосы, гребнем стоящие на макушке и, словно грива, растущие даже на шее, а быть может, и на спине. Одной рукой чужинец касался обнажённой груди Уники, а в другой, неловко отставленной, держал глиняную плошку, над которой сладко курился приторный наркотический дымок.

Вот оно, как обошёл вражина старую йогу! Вот откуда явился на свет мангас, убивший Таши!

Что есть сил Уника оттолкнула оборотня, влетела в дом, захлопнула дверь, накинула деревянный засов. Прислушалась. Снаружи было тихо. Потом до дрожи знакомый голос произнёс:

– Отвори.

Уника выдернула из густого меха спасительную проколку, с размаху черкнула крошечным лезвием по груди, не признавшей чужую руку. Боль вновь отрезвила, и Унике чуток полегчало.

– Сейчас отворю, – произнесла колдунья, нехорошо усмехнувшись, и сняла запиравший дверь деревянный брус. Сколоченная из дубовых кряжей дверь развернулась на точёных петлях, сбитый с ног чужинец полетел в траву. Уника рассмеялась сухим трескучим смехом и спросила: – Ещё хочешь или накушался?

– Дура неумная!.. – прошипел оборотень окровавленным ртом. – Не хотела по-хорошему, ну и сдохнешь теперь.

Он неторопливо, по-кошачьи подобрался, вместо оброчной кадилы потащил из-за кушака нож. От недалёких кустов бежали ещё двое чужинцев, один с копьём, другой с быстро разгорающимся факелом. Сейчас запылает береста на крыше – и пропала йога. Хочешь – от копья умирай, хочешь – жарься в горящем доме.

С долгим скрипом повернулась изба, здоровенная слега, прежде подпиравшая стену, рухнула вниз, на голову не успевшему уклониться чужинцу – только брызнуло по сторонам...

Двое нападавших приостановились, попятиться было, но череп рузарха на заострённом колу, кляцнув зубищами, ухватил одного из вражинцев поперёк туловища, торопливо, словно при жизни, принялся жевать, пятная сухую кость дымящейся кровью. Последний из жаборо-тых выронил факел и, подвывая, бросился в кусты. Уника, сплетя пальцы у груди, смотрела ему вслед. Пусть бежит, теперь не я, а он на крючке. Всё равно ничего не расскажет соплеменникам – удушье схватит за глотку прежде, чем он успеет произнести хоть словечко. А я посмотрю, куда он побежит и кому попытается рассказать о печальной неудаче, постигшей вздумавших выведывать чужие тайны. Что ж, пусть ведают, что бабье колдовство не только лечит да спасать может – когда надо, оно никого не пощадит и всякому башку снесёт. Будь иначе – пожиратели детей беды бы не знали, у самых ворот поджидали бы малолетнюю добычу.

Большими шагами Уника подошла к висевшему в ощеренной пасти чужинцу, ухватив за гривастые лохмы, вздёнула мертвецу голову, заглянула в бельмы глаз.

Чужой, как есть чужой. Ни о чём думал – не понять, ни что чувствовал. Одно только и осталось после смерти в тёплом ещё теле – инакость, которую даже ненавистью не выразить. Одно слово – чужинец.

Тела убитых Уника свалила у самого охранного черепа, бросила там, пробив насквозь свежим осиновым колом, а сама наглухо заперлась в доме, чтобы никто не услышал, как будет плакать и выть от жестокой обиды обманутая женщина.

Как ни коротка июньская ночь, но с первыми рассветными лучами дверь в избе отворилась, и Уника, окинув взглядом ещё не розовое, а зеленеющее небо, спустилась вниз по скрипучим ступеням. Лицо йогини было совершенно спокойно, лишь брови, по-прежнему чёрные, грозно нахмурены. На ведунье был большой колдовской наряд, обереги и амулеты брякали при каждом шаге. Прежде всего Уника занялась тяжким и кровавым делом, на какое не решился бы колдун-мужчина. Головы убитых были отрублены. Обезображенные тела Уника оттащила в сторону, завалила хворостом и подожгла. Одну из отрубленных голов колдунья насадила на вкопанный в землю кол. Теперь чужинец, ставши бесплотным духом, вместе с рузархом будет охранять избушку. Вторую голову повесила в дыму, чтобы прокоптимась как следует и не смердела. Жестоко так поступать, очень жестоко. Такое колдовство мстит не только убитому, но и колдунье, выжигая её собственную душу. Однако женская магия, древнейшая в мире, не умеет быть доброй. Эта волшба от матери-Земли, она весь род хранит, а до отдельного человека ей дела нет. Погибнет – и не жаль, лишь бы племя в довольстве жило. Трудно человеку душой принять мысль, что перед всеобщей матерью он ничто, щепоть праха. Недаром бабы-йогини ушли от людей, недаром нельзя тревожить их бездельными просьбами.

Разбросанное оружие собрала, рассмотрела внимательно и спрятала в доме, где и без того хранилось немало диковинок.

Покуда не рассеялся тяжкий удушливый дым, Уника в голос выкрикивала заклятия. Теперь ни единая живая душа не проберётся к избушке, а кто попробует – пусть пеняет на себя. Затем Уника быстро собралась и, прежде чем огненноликий Дзар выбрался на макушку неба, она уже шагала скользящей охотничьей походкой через завалы мокрого леса. Надо было торопиться – до Верхового селения отсюда восемь дней пути, до Большого – ещё четыре. А времени погодить не прикажешь, и беда не станет ожидать на пороге.

* * *

Утром селение облетела печальная весть: умер старый шаман. Смерть эта ни для кого не была неожиданной, её ждали уже давно. Люди жалели лишь, что не вовремя шаман ушёл к предкам – жди теперь, покуда вернётся Калюта, похоронит старика, который до этого часа будет лежать в Отрубной землянке. Потом Калюта наденет полный колдовской наряд и лишь тогда займётся пришельцами. А до этого – висеть беженцам между небом и землёй, ни своими, ни чужими, ни гостями, ни соплеменниками, а вообще не пойми кем. И бородастым лишние волнения, и людям зубра хлопоты.

Бородастые, которых по их соплеменке успели прозвать «лишаками», слушали, что говорила им Лишка, кивали и соглашались. Что с ними случилось, они так и не смогли объяснить. Напали какие-то чужинцы, среди ночи напали, так что в лицо их никто и не видал, и в две ночи весь род вырезали. Бились с кем-то в ночной тьме, лиц не видя, а утром ни единого чужого тела не нашли – только свои. То ли уносил враг погибших, то ли ни единого человека в бою не потерял. А быть может, при первом лучике света тела врагов истаявали словно туман. Говорят, бывает такое с ночными оборотнями – мэнками. Влетит ничей предок в рот уснувшему под открытым небом человеку, завладеет оставленным телом и начнёт совершать злодеяния. Только жить ему до тех пор, покуда не остановится на нём палящий взор Дзара. Тут и рассеется то, что минуту назад казалось могучим воином. А ничей предок вернётся в свою непригожую могилу и будет ждать новой жертвы.

Одно лишь непонятно: откуда столько мэнков взялось и куда смотрели колдуны лишаков?

А потом обнаружилось, что бесследно исчез шестилетний Роник, что ещё день назад прислуживал расслабленному Матхи. Когда он ночевать не пришёл, мать не особо встревожилась – ну, остался мальчик у старика в землянке, такое и прежде случалось. А вот когда утром оказалось, что Матхи мёртв, а ребёнка нигде нет, мать взвыла в голос и побежала по селению. Рона никто не видал с той самой минуты, когда возле закрытых ворот воины встречали лишаков. Тут уж и впрямь люди заговорили про мэнков. Кое-кто и бородастых хотел побить, но согласились ждать, пока вернётся Калюта. Послали гонцов к Белоструйной, а у гостевой землянки наконец поставили стражу. Лишаки сокрушённо молчали и покорно ждали решения своей судьбы.

По счастью, Калюта объявился уже через день. Сказал, что незримые помощники донесли ему о смерти Матхи, вот и пришлось вернуться с полдороги. Такое объяснение никого не удивило: Калюта хоть и не носил покуда большого наряда, но уже давно в глазах всех родичей был шаманом. Удивило другое: как не свой вернулся молодой шаман. То улыбается беспричинно, то песни петь начинает. К Таши и Данку при встрече целоваться полез, чего прежде в роду не бывало. А с Ладой – Рониковой матерью и говорить не стал. Объявил только, что Роник жив и через день найдётся, а куда малец запропал – не сказал.

С беженцами Калюта повидался, тоже полыбился неумно, произнёс несколько слов на их языке, а через Лишку велел передать, что нечего ждать похорон старого шамана, с ними всё ясно и можно принимать их в род зубра хоть завтра. Вождь этими словами остался недоволен, но и тут перечить не стал, велел старикам готовить всё к празднику. Главное, что шаман словом не помянул о последней воле предшественника – то ли не знает о зелёном клинке, то ли, как и сам Тейко, не верит, будто такой был.

Тихое утро следующего дня было нарушено громом пустотелых колод. В самом центре селения, у женского дома пылал великий костёр. Женский дом – место особое, сюда рожениц приносят, ежели случится, что дома разродиться не может. Тут травницы хозяйничают, знахарки. За крепкими стенами хранятся бабские амулеты и первый среди них – священная шкура

нерождённого зубра. В этот дом мужчинам хода нет – испортишь тонкое ведовство, кто тогда твоих же детей спасать будет?

Но сегодня обряд общий и проводиться будет под открытым небом у всех на глазах. Разом шестнадцать человек прибывает в роду зубра, причём только один – настоящий ребёнок, сосущий материнскую грудь, а прочие – люди в самой силе. От таких роду немалая польза может проистечь. Да и кровь обновится. Род хоть и большой, а всё о таких вещах забывать не следует.

Заполыхали очистительные костры, разожжённые женским, тёртым огнём. Лишаки разделись донага, оставив в гостевой хижине все свои вещи. Пятнадцать немолодых женщин из всех семей рода ожидали в доме, лёжа на освящённых шкурах, словно роженицы. Этих женщин вскоре нарекут матерями новых родичей. Младенец, принесённый беженцами, ни о чём не ведая, спал под присмотром чужих людей. В сегодняшнем действе он не участвовал – через пару дней его будет усыновлять собственная мать. И свои, и пришлые сошлись, что так всего правильнее. Одно дело – названное родство, совсем иное – родство кровное, и лучше в них не путаться.

На каждый из костров хозяйки навалили по целой охапке свежей душицы и блоховника, что на рассвете были собраны в окрестных рощах. Густой пахучий дым окутал фигуры стоящих. Калюта дребезжал брекотушками, хрипел что-то неразборчиво, отпугивал недобрых духов. Те из женщин, что постарше, недовольно поджимали губы – слаб шаман, не видно в нём настоящей силы. Матхи уже и не жил, считай, а сила в нём была. А этот – нехорош, как только в степях с диатритами управляться умел? Настоящий шаман во всякое время дня любое колдовство справить может: а этот – то ли себя бережёт, то ли не может толком к предкам обратиться? Одно слово – слаб шаман. Потому, должно, и торопится себя проявить – этакое дело затеял: не дождавшись, пока прежнего шамана похоронят. Да и Ромара бы подождать не мешало – тоже не последний в роду человек... Впрочем, старух никто не слушал: в праздник брюзжать – себя не любить.

Воины стояли позади лишаков – по два вооружённых охотника за спиной у каждого из будущих членов рода. Первый из охотников вооружён швырковым копьем из птичьей кости, второй держит ременное боло с гроздью каменных желваков. При такой охране, поди, никакая вредятина к костру не проползёт.

Ещё минута, и очищенные от всего инородного люди смогут родиться второй раз – детьми Лара. Шаман вскинул бубен, загудел резко и незнакомо:

– Смотрите!..

Крик многих людей слился в единый вопль. Каждый кричал своё, но испуг, ярость и отвращение были общими для всех. Казалось бы, минуто, один удар сердца, миг назад перед глазами всех стояли обычные, хоть и странноватого вида, люди, обнажённые и слегка напуганные предстоящей церемонией, а теперь среди них объявились три приземистые фигуры в одежде и при оружии.

Чужинцы! Подменыши! Оборотни-мэнки!

Первыми опомнились воины, стоявшие за спинами у чужаков. То ли просто приучены были не зевать по сторонам, то ли Калюта успел чего шепнуть, когда вздумал целоваться при встрече. Разом свистнули арканы, плотной петлёй ложась на горло тех, кого едва не приняли в свой род. Кроме охранников и вождя, все остальные мужчины пришли на площадь без оружия, но и без того у оборотней не оставалось ни единого шанса вырваться из плотной толпы. Тейко коротко крутанул священный кистень, и один из врагов упал с разбитой головой.

– Живьём взять!.. – Дребезжащий старческий голос разом перекрыл разгневанный рёв мужчин и исступлённый женский визг. Те, кто обернулся на крик, увидели в самых задних рядах иссушенного временем безрукого старика.

Ромар! И когда вернуться успел, как в селение прошёл незамеченным? Об этом сейчас никто не думал. Главное сейчас творится между костров перед женским домом. А Ромар на то и Ромар, чтобы прийти вовремя.

Один из оборотней мёртво обвисал в руках Данка, кровь лужицей растекалась в пыли. Двое других хрипели, придушенные ременными удавками, кроме того, каждого из них держали ещё по двое охотников. Чернобородые, вместе с которыми в селение проползла зараза, подчиняясь короткому приказу, ниц лежали на земле и не смели поднять голов.

Ромар, пройдя сквозь раздавшуюся толпу, на мгновение склонился над убитым, убедился, что тот на самом деле мёртв, затем повернулся к пленникам.

– И впрямь – мэнки, – протянул он, и лишь тогда люди заметили, что на площади, где только что каждый кричал своё, стоит глухая от дыхания сотен людей тишина.

Ромар наклонился к одному из чужинцев, тому, что прежде притворялся женщиной. Заглянул в раскосые глаза. Гривастый бестрепетно встретил взгляд колдуна, широкий рот растянулся в улыбке.

– Похоже, я ошибся, – произнёс мэнк, почти не коверкая слова, – кто мог знать, что среди вас окажется такой сильный маг... И молодой шаман, – оборотень бросил взгляд на Калюту, – тоже не так прост. Хотя это вам не поможет – мы уже узнали всё, что хотели, даже что ты, безрукий, жив до сих пор. А вот вы не узнаете ничего... – Глаза чужинца внезапно закатились под выпуклый, лишённый бровей лоб, лицо залила синева, тело безвольно обвисло. Ромар кинул мгновенный взгляд на второго пленника. Тот тоже был мёртв, белая пена стекала из приоткрытого рта.

– Вот, значит, какие у нас гости! – Тейко шагнул вперёд, нефритовый желвак угрожающе загудел в петле.

– Успокойся, вождь, – примиряюще произнёс Ромар. – Остальные настоящие. Они не виноваты, что чужинцы оказались столь изодранными колдунами. Зато нам это будет уроком. Этот, – Ромар пихнул ногой лежащее тело, – сказал неправду. Мы узнали самое главное: отныне мы знаем, чего ждать из восточных степей. А эти – настоящие люди, и было бы нехорошо убивать их теперь, когда наши общие враги мертвы.

Жалобный крик прервал колдуна. Одна из двух оставшихся среди чужаков женщин поднялась с земли и что-то кричала Ромару, отчаянно размахивая рукой. Воин, стоявший за её спиной, пихал её между лопаток тупым концом дротика, пытаясь заставить лечь обратно на землю, но женщина не обращала внимания на удары, продолжая быстро, взхлёб кричать. Ромар сделал знак охотнику, чтобы тот не трогал пленницу, шагнул к кричащей ближе, что-то спросил на её родном языке.

Воины некоторое время слушали непонятный разговор, потом Тейко перевёл ждущий взгляд на Лишку. Девушка-охотник негромко пояснила:

– Она говорит, что это была её родная сестра, с которой они прожили рядом всю жизнь. Она... она боится, что ребёнка ей тоже подменили, но Ромар ответил, что с младенцем всё в порядке, что он настоящий человек. Я не всё поняла, но они говорят именно об этом.

– Также нашли время... – проворчал вождь. – Что будем делать, люди? Нужны ли нам такие сородичи, что не умеют отличить родную сестру от чужинца?

– Нам не нужна человеческая кровь, – произнёс Калюта. – А лишаков очистим по большому разряду и примем в семьи. Уж они-то от мэнков больше всех пострадали, и значит, оборотням от них не поздоровится.

Никто из мужчин не стал возражать, и Тейко, помянув в сердцах рогатого Лара и всех прашуров, начал распоряжаться, кому теперь караулить гостевой дом в ожидании того дня, когда пришельцев можно будет по-настоящему назвать своими.

* * *

До Верхового селения Уника добралась вместо обычной восьмидневки всего за шесть дней. Шла споро, не останавливаясь ни для отдыха, ни чтобы пополнить небогатый запас еды. Что само в руки шло, то и в рот попадало, а остановиться хоть на минуту даже ради верной добычи Уника себе не позволяла. Верной добычи в лесу было сколько угодно, особенно в начале лета, давно прошло то время, когда родичи голодали, попав из родных степей в дремучие чащобы. А уж Унике прокормиться и вовсе не составляло труда – от ведуньи никакая животи́на не сбежит. Вот только пользоваться хитроумными заклинаниями не было ни времени, ни возможности. Тот мэнк, что был отпущен ею, безостановочно бежал на восход, но кто знает, может, и ещё чужинцы в округе бродят. Незачем им знать, куда Уника идёт, незачем слушать, как она ворожить умеет. Поостеречься никогда не мешает, отшельническая жизнь быстро учит этой несложной мудрости.

На четвёртый день сплошная чащоба проредилась, одна за другой пошли прогалины и поляны и, наконец, Уника вышла к берегу Великой. Даже здесь, ещё не приняв в себя главных притоков, река плыла мощно и неудержимо. Не верилось, что такая громада воды может остановиться и пересохнуть, словно безымянный ручеек. А ведь было такое, на её памяти было. Впрочем, того, кто видел рождение целого моря, уже ничто поразить не может. Недаром, опасаясь звать Унику по имени, малышня в селениях в разговорах называет её сухоглазой бабой. Но сейчас, покуда её никто не видит, сухоглазая улыбнулась впервые за дни похода, спустилась к реке, прошептала чуть слышно: «Да не замутятся твои воды!» – и омыла строгое лицо родной водой.

Вокруг становилось всё больше признаков людского жилья: в лощинках встречались следы кострищ, в одном месте даже росчи́сть попалась, где сеяли ячмень в ту пору, пока ближние поля отдыхали, набирая силу для будущих урожаев. Потом в рощах стали встречаться порубки и следы выпасов. Грозовая синь бескрайнего леса исчезла за окоёмом, места пошли весёлые, пригожие для житья. И наконец, на крутом берегу, видимые отовсюду, встали частоколы Верхового селения. Частокол стоял мощно, заострённые брёвна не просто вкопаны в землю, а плотно забиты камнями, и кусты кругом сведены, и трава вытоптана. Так просто люди прошлую кровь не забывают, а её тут пролилось немало. На каждой заострённой сле́ге вырезаны лица родовичей – Калюта постарался, выпрашивая прощение у непохороненных братьев, что погибли когда-то в этом краю.

Сегодня здесь текла мирная жизнь. В низинке у ручья паслись овцы, и несколько мальчишек присматривали, чтобы непоседливые животные не влезли на поле, где дружно зеленели всходы ячменя. На берегу были расстелены на просушку сети, четверо рыбаков затёсывали новый кляч – распорный столб для большого невода.

На воротах дежурили четверо молодых воинов. При виде Уники лица у них переменялись, но ни один ничего не спросил. Поздоровались, как со всяким родичем, хотя не каждый день баба-йога является в селение да ещё увешанная колдовскими причиндалами, словно шаман в день поминовения ушедших. Уника тоже поздоровалась и пожелала парням мира, хотя как раз мира принесённые вести и не обещали. Потом поинтересовалась:

– Старшины где?

– У себя, – ответил один из парней. – С утра ещё не выходили.

С давних времён повелось, что если среди жителей селения не было никого из старейшин, то делами заправлял выборный старшина. Власть старшины распространялась только на посёлок, на общем совете старшины говорили как простые охотники. А вот в Верховом последние годы было два старшины, и никто из родичей в том странного не видел. Как быть, ежели Курош

и Машок – братья и никто от них розного слова не слышал? Вот и решили люди, пусть будут два старшины.

Неразлучники сидели за домом. Работу их было слышно издали – шершавый звук, с каким полируется камень, ни с чем не спутаешь. Уника подошла, поздоровалась вежливо, как со старшими положено, и, не дожидаясь расспросов, сказала:

– Дурные вести. В лесах новые чужинцы объявились. Оборотни, колдуны – по-нашему говорить умеют... и оружие у них не хуже нашего: луки знают, топоры полированные – волос режут.

– Так, может, это настоящие люди? – недоверчиво спросил Курош, вперив единственный глаз в лицо Уники.

Не любили братья лесную колдунью, унаследовав давнюю неприязнь ещё от своего отца.

– Смотрите сами, – коротко ответила Уника и, развязав мешок с золой, бросила к ногам почерневшую, прокопчённую дымом бивачных костров голову.

Хотя время и можжевелевая копоть изменили черты лица, но братья сразу признали гри-вастого неведомца, какого никто прежде не видывал, но о которых давно предупреждал Ромар: мол, есть где-то такие, и потому надо быть готовым к войне. Вот она, война, никто и не звал, сама в гости заявила.

– Что ж ты её сюда притащила?.. – страдальчески закричал Машок. – Беду накликать хочешь? Что мы, так не поверили бы?

– Не бойся, – устало откликнулась Уника. – Не придёт он сюда, и ничего вам не будет. Он к моему дому прикован и по миру ходить не сможет. А вот соплеменники его – иное дело. Ох, не знаю, откуда пришли и как с ними обходиться будем. Они за нами давно следят, так что и нам надо сторожками быть.

– Да уж, знаем... – проворчал Курош. Он наклонился, костяным лощилом, чтобы рук не марать, перевернул почерневшую голову. – Да уж ясно, что нелюдь это, никто не спутает. Но охотников предупредим, чтобы и не пытались с этими говорить.

– Тут другое, – напомнила Уника. – Оборотни это. Он тобой перекинется, так родной брат не отличит.

Курош улыбнулся понимающе и произнёс:

– Лишнего-то не говори, старая. Или ты хочешь сказать, что он не просто каким ни есть человеком прикидывается, а лицо ворует?.. Тогда по голосу можно определить, по походке. Своих-то я всех отличу, а ежели кто с Белоструйной придёт – будем проверять.

– Я сказала то, что сказала, – глядя в землю, проговорила Уника. – Вот обратится он в Машка, а ты и не поймёшь, с кем разговариваешь. Уж я-то знаю, поверь.

Братья крикнули возмущённо, но перечить не стали. С йогой свариться себе дороже, а лишняя опаска лишней не бывает.

– Что же делать? – спросил Машок. – Как уберечься? Этак людям и за стены выйти будет нельзя. Хуже чем при диатритах, там хоть ясно было, кто свой, кто враг.

– Не знаю куда. Колдуны, думаю, разглядят вражину. Одна беда – колдунов в роду раз-два – и обчёлся. Ромар, Матхи, Калюта... ну, я ещё могу. Что же, нам на воротах стоять и всех входящих проглядывать?

– Умер Матхи, – склонив голову сказал Курош. – Вчера гонец из большого селения прибежал. Сказал, что с того берега волосатые пришли, Лишкины соплеменники. Побил их кто-то. Никак, думаю, твои чужинцы и побии. Вождь велел сторожко жить, на левый берег поглядывать. А Матхи умер в тот самый день... – Курош вскинул голову, дико уставился в лицо Унике единственным глазом и прошептал: – Что же это выходит? А ежели там вместо гостей чужинцы? Признать-то некому, Калюта на Белоструйную убрёл, а Ромар и вовсе неведомо где гуляет...

– Шли гонцов, – выдохнула Уника. – Хороший бегун за два дня успеет. А я уж завтра с утра...

Через час двое парней, получивших строгий наказ от колдуньи и старшин, выскользнули за ворота и обманчиво медленно побежали вдоль берега, по самой кромке, где намокший щебенчатый песок не затруднял шагов. На ногах у каждого были лёгкие постолы, в руке – невесомое птичье копьё. Бежать предстояло, не останавливаясь ни на миг, и хотя солнце уже выкатывалось к полудню, посланные обещали, что завтра, задолго до заката вождь узнает тревожные вести.

* * *

Уйти на следующий день с утра Унике не удалось, ночью на селение напали враги.

На ночь ворота наглухо закладывались тёсаными брусками, и на страже стояло не три человека, как днём, а пятеро. Трое сидели у ворот, а двое на пару обходили стены, присматриваясь, не пытается ли кто подрыть частокол или ещё какую беду учинить. Слишком дорого обошлась когда-то детям зубра беспечная надежда на крепкие стены. Шестнадцать лет прошло, и старый урок выручил людей. Кто-то из сторожей расслышал в ночи шорох, а в ответ на крик и факел, полетевший со стены, из прозрачной ночной мглы засвистели стрелы. Вооружённые набегники ринулись было к воротам, но слегли, надёжно зажатые запорным бревном, отодвинуть не смогли, а через три минуты уже все мужчины рода толпились у ворот и на стенах, готовые отразить приступ.

В результате ночной стычки у поселян погиб один человек, вражеская стрела, попав в живот, пробила его насквозь. Нападавшие тоже оттащивали троих, мёртвых или просто раненых – то ночные духи знают.

Старшие охотники осмотрели неприятельские стрелы, хотя и с полувзгляда было ясно, кто напал на селение. Люди медведя – ближние соседи! Никогда прежде род зубра не враждовал с медведями, хотя и любви особой не было. Даже в самые тяжкие годы обходились соседи без крови, договаривались миром. Но сегодня кровь убитых родичей смыла прежнее добрососедство. И что случилось – не понять. Вроде только недавно, двух месяцев не прошло, встречались люди зубра с медведями на торговой поляне, меняли излишки хлеба на пушистые шкурки соболей; честный торг шёл, все довольны остались... а теперь – на вот!

Памятуя, что рассказывала йога, Курош и Машок послали за Уникой, но оказалось, что ведунья сидит в гостевом доме, глаза у неё распахнуты, но ничего не видят. Телом Уника была здесь, а духом улетела неведомо куда. Страшное дело тронуть камлающего шамана, ещё страшнее коснуться впавшей в транс йоги. Сам не заметишь, как душа твоя будет выпита неведомыми силами. Посланный отошёл в смятении и помчался докладывать старшим, что от колдуньи немедленной помощи ждать не следует.

А между тем выяснилось, что противник и с приходом дня никуда не делся, стоит поблизости, продолжая удерживать селение в осаде. Теперь, при ясном свете, не оставалось и тени сомнения: на селение действительно напал род медведя. Кое-кого из противников люди и в лицо узнали. На что надеялись лесовики, было неясно. Род медведя невелик, и побить его можно было бы силами одного селения. Жили неулыбчивые соседи небольшими группами, вместе собирались только для особой надобности. Добрая половина лесных посёлков была известна охотникам Верхового селения, так что – иди и громи. Вот только война с настоящими людьми никогда не привлекала детей Лара. Противника, конечно, побьёшь, а сколько своих положишь? Медведи в лесу дома, а у родных стен один воин троих стоит. Просто отогнать сдуревшего соседа в чашу – тоже добра не жди. Каково жить, зная, что в любую минуту из-за всякого ствола может выглянуть смерть? Как ни повернись, всё дурно выходит.

Поразмыслив, Курош и Машок решили-таки дуриком не ломить, а сначала вызвать нежданных гостей на разговор. Конечно, смерть родича мести требует, но ведь понимает убитый соплеменник, что от большой войны пользы никому, а на той стороне тоже кровь пролилась. Так может, ещё не поздно замирились?

Прозвучал над засеянными полями рёв зубра, Курош, не скрываясь, поднялся на пристенок возле ворот, поднял пустую руку, показывая, что хочет говорить, и в то же мгновение повалился вниз со стрелой в груди. Ни секунды не колебались засидчики, выстрелили, едва заметив неприкрытого человека. Так только по смертным врагам бьют, по проклятым чужинцам. Ахнул народ при виде такового злодейства, и теперь уже всякий знал – быть войне, гореть лесным деревенькам, и не жить на земле детям медведя, сколько бы своих ни полегло взамен.

Сын Куроша вызвался вести отряд на вылазку, мстить за отца. Даже теперь люди действовали не потеряв головы, решено было из ворот не выходить – здесь половину народа перестреляют, пока до врага доберёшься, – а спрыгнуть с частокола в стороне от ворот, где стрелков у противника поменьше, а потом, когда противник ввяжется в бой, главным силам наносить удар через ворота. Отряд был готов и собирался выходить, когда на площади возле гостевого дома появилась очнувшаяся Уника.

* * *

Собственное безжалостное колдовство настигло Унику в единственный тёмный час короткой летней ночи, незадолго до того, как часовые заметили подбирающихся к городье лазутчиков. Тот чужинец, что верил, будто сумел спастись от проклятой колдуньи, добрался-таки до цели, встретив соплеменников, пославших его воровать людские тайны. Теперь он корчился на земле, хрипел, раздирая когтями грудь, силился и не мог произнести ни единого слова, а Уника, схваченная тем же неумолимым приступом, билась в падучей посреди пустого гостевого дома, задыхалась, выплёвывая сквозь сдавленное горло шматки крови, а сама смотрела глазами умирающего врага, впитывала его память, ничем более не прикрытую, и видела всё, что творится в логове чужинцев, приползших на берега Великой.

Тяжкая картина открылась взору хрипящей женщины. Не хотелось в неё верить, а не верить было нельзя.

Не было рода чужих, обитавших в каких-нибудь дебрях, где настоящие люди не появлялись за недосугом, поскольку и хороших мест на земле покуда хватало с избытком. Были десятки, если не сотни родов, всякий из которых не уступал роду зубра. Были огромные страны, где жаборотые чувствовали себя хозяевами, а люди, если и жили, то загнанные в чащобы и горные теснины. Ничем, совершенно ничем жаборотые не уступали настоящим людям: они долбили лодки и шлифовали камень, знали земледелие и разводили коз. А хитроумным обманым колдовством даже превосходили людей, ибо чуть не каждый второй у них умел навести морок на человеческую душу. Им уже давно стало тесно на просторах своих земель, и много лет их разведчики присматривали новые места, сеяли среди людей раздор, а потом уничтожали ослабевшего врага. «Увидишь чужинца – стреляй!» – говорил завет предков. Жаборотые умели погодить с выстрелом, но тем вернее били, когда приходило время. Наконец время пришло, наступил давно предвиденный час, и не отдельные лазутчики, а сотни и тысячи воинов двинулись на земли, населённые людьми. Нашествие могло начаться ещё полтора десятка лет назад, но тогда буйство проснувшегося Кюлькаса равно ударило по всем живущим, а теперь давно предреши́нное началось.

Бесчисленные века люди били чужинцев за то, что те жили на той же земле, ловили ту же дичь, дышали тем же воздухом. Случалось, что и человеческие рода ссорились друг с другом и начинали войну, но только с чужинцами бились насмерть, не щадя ни детей, ни женщин. Да и как иначе, если от человека и чужинца рождаются не обычные дети, а чудовищные бес-

полые мангасы, могучие и бессмысленно жестокие. Потому и шла вечная, непрекращающаяся война, в которой всегда побеждали люди. Люди умели действовать дружно, у них были луки и мечи из твёрдого дерева с острыми обсидиановыми накладками по краю. Люди жили в селениях, огороженных высоким частоколом и потому недоступных для внезапного набега. Так было здесь, и в закатных странах, и в жарких краях, где живут чернокожие, и в ледяных северных степях, где охотники за мамонтами преследуют свою сказочную добычу. Мог ли кто-нибудь противостоять этой силе? Бежали в непроходимые чащи разбитые остатки согнутых, скрывались в ущельях горные великаны, уже много поколений никто не видел диких трупоедов, большеглазые карлики – вовсе не люди, а скорее ночные лемуры, затихли и уже не тревожили людей, страшась их сильнее, нежели лесного пожара. Диатриты со своими чудовищными птицами вернулись в безводные пустыни, но и там не находили спасения от людской руки. Это было правильно, только травоядные могут жить в одном стаде и бессмысленно плодить мулов и лошаков. Земля должна принадлежать людям, и если чужинцы претендуют на ту же землю, их надо уничтожить.

Но теперь пришли иные чужинцы, силой равные людям, и с той же убеждённости в своей правоте принялись уничтожать людские роды, освобождая место для себя и своих детей.

Не такое ожидала увидеть мудрая йога. Некуда было посылать карательную экспедицию, и не о мире и спокойствии шла речь, а о самой жизни.

Когда удушье слегка отпустило, Уника, пошатываясь, вышла из гостевого дома. На душе бушевало отчаяние, впору было кричать испуг, вот только что она скажет родичам, что посоветует, куда поведёт? Беда ещё не близко, но неизвестно, что делать, как остановить её, покуда она не подошла вплотную, не запустила клыки в горло роду.

На площади в молчаливом и потому особо тревожном согласии собирались люди. Осматривали оружие, проверяли обвязку копий, затягивали ремни на грубых кожаных, способных отвести слабый скользкий удар или предохранить от стрелы, ежели она на излёте. Когда собираются на охоту, каждый готовит оружие дома, и лишь для войны сборы идут на площади.

Рядом в круглой землянке травницы колдовали над раненым Курошем. Одноглазый старшина был без памяти, на губах пузырилась кровь – значит, стрела в самое лёгкое вошла. Обломок стрелы торчал из груди совсем рядом с сердцем – насмерть бил враг, и не его вина, что старшина всё ещё дышит. Вытягивать такую стрелу нельзя, сорвётся острый наконечник, и тогда уже спасения не будет. А так остаётся смазать рану тёплым медвежьим салом и молить предков, чтобы тело само вытолкнуло смертельную тростинку вместе с камнем. Один на сотню выживает при такой ране, а мук принять придётся несказанно.

Уника заглянула в круглую землянку, кивнула согласно – правильно делают лекарки, что от человека зависит – всё справили как надо, а там уже, как предки рассудят. Обошла готовящихся к битве мужчин, тоже кивнула, не сказав поперёк мужского дела ни единого слова. Лишь потом отозвала в сторону чёрного от горя и злобы Машка и, не задав ни одного вопроса, сказала:

- Вели отворить ворота. Всё-таки надо узнать, за что дети медведя на нас взъелись.
- Совсем, что ли, распахнуть, как перед добрыми гостями? – ощерился Машок.
- Совсем. Они тоже не дурные, в распахнутые ворота не сунутся.
- Ну, как знаешь... Только брат уже пытался с ними говорить.
- В меня не стреляют. А ежели стреляют, то, значит, судьба такая, и прока родичам от меня всё равно не будет.

Старшина недоверчиво покачал головой и велел страже при воротах делать, что прикажет Уника.

Не обращая внимания на испуганные взгляды, Уника прошла к воротам и принялась раздеваться. Разулась, сняла верхнюю кухлянку со всеми колдовскими оберегами, оставшись лишь в рубаше из тонко выделанных заячьих шкур. Распустила волосы, уже тронутые седи-

ной, но по-прежнему густые и длинные – до колен. Потом всё-таки вернулась к оставленной одежде и выдернула из меха блеснувший зелёной искрой талисман – проколку, малый сколок священного нефрита. Зажала проколку в кулаке и лишь затем кивнула воинам, чтобы отпирали наглухо заложенные ворота.

Вновь прозвучал хриплый рёв зубра, затем, подхваченные десятью парами крепких рук, разом сдвинулись дубовые пряслины, во всю ширину открыв проход в селение. С той стороны наблюдали молча, ожидая всякого подвоха, сжимая побелевшими пальцами копья, наложив боевые стрелы на тугую лосиную жилу. Глубоко вздохнув, Уника вышла на открытое пространство и пошла по тропе, туда, где засел противник. Там было тихо, ни единый лист не шелонулся, как пропали дети медведя. Оно и понятно: не так просто выстрелить в женщину – не чужинка ведь. А может, и узнали её, приходилось Унике и среди медведей бывать, помогала, разницы со своими не делая.

Вот уже всё поле позади, куда теперь? Казук, медвежий шаман, здесь – неужто не выйдет?

Тёмная фигура выступила из кустов, встала напротив Уники, загородив дорогу. Колдовской наряд, иной чем у своих и у людей лосося, а не перепутаешь. Седая борода – Уника девчонкой была, а Казук уже шаманил. Лоб и щёки покрыты глубокими шрамами – знаками колдовской власти. Больше никто из соседей внешность колдуна не метит, только дети медведя. Взгляд голубых глаз колет словно ледяными искрами, недобро смотрит шаман на былую знакомку, видно, и впрямь есть причина для вражды. Руки сжимают рогатину, обманчиво направленную в сторону... а только дёрнись неловко – до самого рожна войдёт в тело обожжённый зубец. Молчит шаман – нельзя с врагом разговаривать, разговор уже половина мира.

– Я знаю тебя, – произнесла Уника, не называя шамана по имени, чтобы тот не заподозрил какого ни на есть колдовства, – ты не согласился бы на войну без достаточной причины. И раз ты здесь, то причина действительно веская. Я не знаю, что случилось, но так мстят только за вероломство и большую кровь. Я не стану ничего объяснять, но если у тебя есть свидетели, то спроси у них ещё раз, что случилось. Спроси, очистив их взгляд перед лицом предков. Я буду ждать тебя здесь. – Уника помолчала и добавила тихо: – Великий морок ходит по лесам.

Уника отошла на несколько шагов и присела на вросший в землю гранитный валун. Казук, так и не сказавший ни слова, повернулся и ушёл к кустам.

Уника сидела на тёплом, нагретом солнцем камне, сосредоточенно глядела в землю. Всей кожей она ощущала десятки взглядов, сверливших её. Тяжёлых, недоброжелательных взглядов. С обеих сторон звала к мести невинно пролитая кровь, с обеих сторон тлела мужская ярость, а босая женщина с распущенными волосами сдерживала её, не позволяя пролиться новой крови, после чего никакой мир был бы невозможен.

Со стороны роци, где засели нападавшие, потянуло дымом. Там жгли можжевельник – чистое дерево, равно любимое всеми людьми. Глухо донеслось рокотание большого бубна. Лар-первопредок, помоги чужому шаману, пусть откроются глаза обманутых!

Солнце ползло по бесконечно голубому июньскому небу, на Унику наваливалась жара, жужжащие слепни вились над головой, садились на лицо, облепляли ноги. Уника не сгоняла мучителей, любой её жест может быть неверно истолкован, и тогда у кого-нибудь не выдержат нервы. Там, за спиной, ждущие распахнутые ворота и воины, притаившиеся за городьбой. Впереди ждущий безмолвный перелесок, и в нём за деревьями притаились такие же воины, что и в селении. Тишина, даже птицы к полудню утомились, лишь рокочет бубен Казука и тянет издалека спасительным ароматным дымком.

Смолк бубен, наступила тишина. Уника продолжала ждать. Сейчас всё решится, и если она оказалась не права, то, значит, настал последний час её жизни.

На лугу появился Казук. Лицо мрачное, и в руке нет рогатины. Подошёл, сел на траву напротив Уники. Уника поспешно пересела с камня на землю – не годится разговаривать с чужим шаманом, глядя на него сверху вниз.

– Ты знала, что расскажут люди, когда я сниму с них морок? – спросил шаман.

– Я догадывалась. На них напали чужинцы с широкими ртами и гривами, словно у тарпана. А людям казалось, что это дети зубра.

– Пришельцы вырезали два посёлка, из каждого спаслось лишь по четыре человека. И все они клялись, что это сделали вы. Они узнали даже вашего одноглазого вождя, который сам убивал наших младенцев. Просто чудо, что хотя бы несколько человек сумели вырваться в самую последнюю минуту.

– Чужинцы нарочно позволили бежать этим людям, чтобы они свидетельствовали против нас.

– Теперь это понимают все, – престарелый шаман вскинул голову и спросил: – Мать, что нам делать теперь, когда мужчины взялись за оружие и кровь пролилась с обеих сторон?

– Ждать, – ответила Уника. – А потом, если позволят предки, договариваться о мире. Нам сейчас нельзя воевать друг с другом, гривастые только и ждут этого.

– Когда мы найдём, где скрываются чужинцы, – прокрипел Казук, – мы пойдём туда и не успокоимся до тех пор, пока не отомстим за нашу и за вашу кровь!

– Они уже не скрываются. Они идут на нас войной. – Уника запнулась на мгновение, а потом рассказала медвежьему колдуну всё, что открылось ей в предсмертных видениях зачарованного чужинца.

Казук молча слушал, лицо его было чёрно. Лишь когда йога закончила рассказ, он спросил:

– Значит, ты считаешь, что они стопчут людей и нам не будет места на земле, где мы родились?

– У меня есть сын, и я хочу увидеть внуков, – ответила женщина.

– Тогда что надо делать?

– Не знаю. Но прежде всего мы должны помирить наши роды. Ты можешь обещать, что, если второй старшина выйдет за ворота, никто из ваших не спустит тетиву?

– Это я обещаю.

– Тогда я попробую уговорить Машка.

* * *

Уника прошла через ворота, распахнутые, словно наступил большой праздник, и сразу за её спиной обтёсанные брёвна задвинулись, скрыв проход. Не отвечая на ждущие взгляды, Уника обрядилась в оставленную одежду, прошла на площадь между гостевым домом, круглой землянкой и домом старшин и лишь там произнесла:

– Они просят мира.

– Не поздновато ли? – гневно спросил Машок. – Сначала они будут в безоружного стрелять, а потом мира просить? Юха убит и Курош умирает – как после этого мириться?

– Не медведям пеняй, а оборотням. У лесовиков сотня убитых – дети, женщины... А те, кто уцелел, – на нас говорят. И тебя там видели – как ты старикам головы разбивал, детей резал...

– Ты это что врешь?! – взревел Машок.

– Говорю тебе, нет в нашей ссоре ничьей вины, кроме чужинской. Это они такой морок навели. Напали на лесовиков, а представили так, будто это мы сделали. Их вины, им месть готовь. А с детьми медведя надо мириться.

– Не хочу, – упорно проговорил Машок.

– А если бы не брата твоего ранили, а кого другого, ты бы тоже упорствовал? – спросила Уника, бестрепетно глядя в лицо старшине.

Машок подавился гневом и лишь время спустя сумел просипеть:

– Ты так не шути... Хотя ты и йога, а меру знай!
– Тогда пойдём, спросим Куроша. Ему за брата мстить не нужно, вот пусть он и скажет, как быть.

– Помирает Курош...

– А ты его не хорони прежде времени. Пока жив, он такой же старшина, что и ты.

Курош лежал в круглой землянке, укутанный шкурами. Кровь на губах уже не пузырилась, но и дыхания почти не было слышно. Две немолодые женщины-травницы сидели рядом, хотя всё, что можно было сделать, уже было сделано.

– Как он? – шёпотом спросила Уника.

Лекарка выразительно пожала плечами: мол, и так видно.

– В разум приходил?

Травница кивнула.

Уника наклонилась к раненому, глянула в осунувшееся лицо, тихо позвала:

– Курош, ты нужен нам. Дети медведя просят мира.

Старшина приоткрыл мутный глаз. Никто не мог сказать, видит ли он что-нибудь, понимает ли сказанное, но когда Уника повторила слова, губы с запёкшейся кровью шевельнулись и почти беззвучно прошептали:

– Мирись. Я не обижусь и Юхе скажу, чтобы не сердился.

– Юхе Калюта скажет, – приказала Уника, – а ты возвращайся. Ты ещё не все живые дела переделал.

Курош не слышал; глаз закатился под лоб, старшина вновь уплыл к селениям предков.

Машок скрипнул зубами, но спорить больше не стал.

– Идём разговаривать, – сказал он и добавил невесело: – Всадят сейчас в меня стрелу – так и надо будет дураку.

Вновь с тонким скрипом поползли в пазах дубовые кряжи, Уника и Машок оба в парадных облачениях выступили за ограду. С минуту в роще ничего не происходило, потом оттуда вышли вождь нападавших и шаман Казук, оба без оружия.

У Уники отлегло от сердца.

* * *

Безрукий колдун Ромар сидел в круглой землянке, где ещё недавно жил Матхи, и слушал рассказ шестилетнего Роника. Кивал согласно, поддакивал: «Правильно шаманыш поступил, даром что младенец, а не побоялся». Выслушал и про нож, кивнул: «Знаю».

Потом наконец произнёс:

– Ты всё сделал правильно. Так говорю я, и это же скажет Калюта, когда спросит предков.

– Я позволил убить старого шамана, – прошептал мальчик, – я не бросился на врага, не погиб, защищая учителя. Что скажут воины, когда узнают про мою трусость?

– Ты защитил весь род и спас многих людей. – Ромар нервно дёрнул покалеченным плечом, потом наклонился и потёрся о мальчика лбом, стараясь успокоить его. – Никто из воинов не осудит тебя, хотя рассказывать им об этом не надо – у шаманов должны быть свои секреты.

– Но ведь я не шаман... Шаманышем меня только дразнят.

– И всё-таки, поверь, что ты всё сделал правильно. – Ромар выпрямился. – Вот что я тебе скажу... когда я пойду за ножом, я возьму тебя с собой. Ты ещё маловат, года два подрасти бы, но думаю, справишься. Там ты увидишь, что совершить правильный поступок порой труднее, чем просто быть смелым. Смелые уже пытались пройти к Сухому лиману и вернулись ни с чем.

– Мы пойдём к Сухому лиману за родовым нефритом? – спросил Роник. – А мама меня отпустит?

– Отпустит, – невесело сказал Ромар. – Чует моё сердце, скоро у Сухого лимана будет безопаснее, чем здесь.

Глава 3

Без малого месяц на Великой шла спокойная жизнь. Дружно поднялись всходы на полях, в стаде был хороший приплод. Молодой шаман совершил над боролатыми лишаками обряд очищения, после чего их приняли в семьи. На севере, в Верховом селении дети зубра замирились с родом медведя. Лесовики принесли повинную и получили прощение, тем более что Курош не умер сразу, а это значит, что, глядишь, и на поправку пойдёт.

Впрочем, возле селения несостоявшиеся враги не задержались и часа, принесли дары и канули в синеющей у окоёма чащобе, ушли в свои места на восток от Сборной горы, а может, и ещё куда. Лесные городки нетрудно строить и того проще бросать, а ежели мэнки прознали, где живут ненавистные им люди, то покою не жди. Хотя и мэнкам теперь покою ждать не приходилось – уведут упрямые лесовики жён и детей в лесные укромные, а сами пойдут с настоящим обидчиком разбираться. Шамана с собой возьмут, чтобы не обмануться в другой раз – у Казука теперь на оборотней глаз намётан.

Калюта с Уникой за это время вдвоём обошли все три селения. В каждом шаман камлал вокруг столпа предков, установленного возле Круглой землянки, просил, чтобы всезнающие прашуры оберегали живущих, не позволяя поганым мэнкам незамеченными пробраться в посёлок.

На Белоструйной Калюта очистил взгляд троих стариков, свидетельствовавших против воинов с косами, и оказалось, что и тут успели вмешаться мэнки. Не было на торговой поляне серобородого Гэла, а были шестеро жаборотых, старавшихся посеять вражду между людскими родами. И во многом им это удалось. Вряд ли теперь воины с косами примут послов от детей зубра. Хотя и их следовало предупредить о напасти, через детей тура или потомков большого лосося, уж как получится.

Уника всюду ходила рядом с шаманом, словно и не бывало никогда недоброжелательства между женским и мужским колдовством. Шаман к предкам обращался, а йога – к духам домашним, полевым и лесным. Заговаривала черепа, что по традиции висели вокруг столпа, рогом и оскаленным зубом наружу – отгонять всяческую нечисть. Уже много лет никто этого не делал по-настоящему, один Ромар мог помнить недобрую ворожбу баб-йог. Черепа висели больше для порядка, селения хвалились – у кого кость страшнее и рогатее, а теперь вот вновь пригодилось старое искусство. Калюта как услышал, что ворожит Уника, так только охнул, но слова поперёк сказать не посмел.

Теперь всякий вошедший в селение должен был первым делом подойти к столпу и приветствовать предков, даже если всего-то вышел на пару минут – за водой до ближнего ручья. И стража у ворот следила за этим строго. Народ вздыхал, но приказ исполнял покорно, понимали люди, что не могут колдуны день и ночь в воротах караулить и всякого входящего проверять. А история с лишаками многому научила. На своих ошибках только глупые учатся, умные стараются учиться на чужих. К тому же в скором времени оказалось, что не зря старались шаман с колдуньей – западня, поставленная в Верховом селении, сработала так, что разом приучила родичей уважать новый обычай. Вечером загнали пастушата овец в ограду, побежали домой. Хотели было просто пройти в селение, как в прежние времена было, – людям уже поднадоело стало каждого малолетку к столпу предков водить, но в тот день старшим на воротах был Лихор, чьё селение когда-то погибло из-за такого же небрежения. Он и повёл мальчишек на площадь. А там один из мальчишек вдруг закричал дико, а заговорённый йогой череп развернулся на тырчке и ударил его изогнутыми рогами. Выбежавший на крик народ увидел, что возле столпа лежит убитый чужинец. А куда мальчишка пропал – так и не дознались.

Покуда шаман по таким делам бегал, Ромар безвылазно сидел в Большом селении, дневал и ночевал на воротах. Всякому понятно, раз такая беда привалила, нельзя, чтобы родичи даже

на самое малое время без колдуна оставались. Шаманыш Рон теперь от безрукого старика на шаг не отходил, а в каждого соплеменника вглядывался – не мэнк ли притворился знакомым человеком? Хотя какие там силёнки у мальчугана – лет через пять, может, чего и получится из шаманыша, а покуда ещё мал.

Словно в былые времена люди старались не выходить за стены без особой надобности, а если уж приходилось покидать городьбу, то шли не поодиночке, а отрядами. Начинали даже поговаривать, что, мол, надо бы осенний праздник дожинок отменить, а то разбежится молодёжь, после того как посвящение примут, по рощам, а кто вернётся – одни предки знают. Этой осенью впервые после давнего разгрома посвящение в охотники должно было проходить не десяток человек, а как в добрые годы, целая толпа. Праздника ждали, и неудивительно, что при одной мысли о его отмене молодёжь начинала проявлять недовольство: «Кто такую ораву взять сможет? Это мэнкам жаборотым бояться надо, а мы тут у себя дома, нам каждый куст знаком!»

А потом на восходном берегу явились дымы. Не один, не два и не три, а многие десятки. Ясно, что это не разведчики, еженедельно отправлявшиеся на немирный берег, а какие ни есть незваные гости. В прежние годы на тот берег был бы послан отряд побольше – вызнать, кто бродит в Завеличье, а ежели что, то и отогнать подальше от родных берегов, но сейчас всякий понимал, что, кроме жаборотых чужинцев, с востока взяться некому. Оставалось ждать и надеяться, что разведчики, ушедшие туда три дня назад, сумеют неприметно вернуться.

Не вернулись. А дымы, не сигнальные, а простые, бивачные, надвинулись к самому берегу, ничуть не скрываясь, загрязнили весь небосклон, словно множество маленьких чёрных смерчков расплясались на том берегу и сейчас упадут на людские селения траурным снегом.

Таши был среди тех, кто вызывался сходить на луговой берег, проверить, что за силы собираются там, но вождь не пустил. Таковую орду отдельным отрядом не взять, их на переправе поджидать надо и бить в ту минуту, когда тебе сама Великая помогать станет. Дозоры были посланы вверх и вниз по течению, до островов. Что делать, ежели враг поднимется ещё выше, хотя бы на день пути, Тейко не знал. Ушлешь воинов туда – селение без защиты останется. Как ни кинь – всюду клин. Тейко осунулся, ходил мрачный и частенько вспоминал беспечные времена, когда был простым охотником. Велит тебе мудрый вождь с врагом сражаться, ты и бьёшься там, где старший поставил, а об остальном голова не болит.

Потом дозорные сообщили, будто видели на том берегу диатритов. Десяток всадников выскочил на берег, спешно поворотил своих птиц и упылил неведомо куда. В это уже просто не верилось, хотя как можно не верить собственным разведчикам? На всякий случай вождь велел на ночь запираť стада в загонах, специально сделанных несколько лет назад, когда карлики, сумевшие оседлать хищных диатрим, ещё встречались в окрестностях Великой. К тому времени Уника с Калютой вернулись из обхода селений, и Ромар мог бы собираться в задуманный поход, только куда идти, если враг уже у самых стен бродит? Для того, кто лодки мастерить умеет, Великая не преграда; во всякий день мэнки могут явиться на этот берег. Хотя, с другой стороны, разведчики карликов видели, а диатримы воды боятся пуще, чем огня, и по доброй воле через реку не сунутся. Или мэнки и диатритов в пустыне достали? Тогда пусть они друг с другом бьются – людям это только на пользу.

Во всяком случае, Ромар поход отложил, и Таши, уже собравшийся идти вместе со стариком, вновь занялся ежедневными делами, стараясь не обращать внимания на дымы от костров, что теперь каждый вечер можно было заметить на том берегу.

Как противник пересёк реку, так и осталось неизвестным. Просто поднялись вдруг над крутояром тревожные дымные знаки, хрипло завывла священная раковина Джуджи, оповещая, что и сверху враги идут, и снизу идут, и отовсюду идут, а никто из ушедших накануне в дозор не вернулся и не рассказал, как было дело.

Таши как раз готовился заступать в караул, так что ему и собираться не надо было, сразу кинулся на стену. Лук у Таши был знатный, не хуже чем у отца, и стрелял Таши славно, хотя

послать стрелу на другой берег не мог. Правда, Ромар признался как-то, что и никто на его памяти так далеко не стрелял, это только в песнях поётся, будто можно пустить стрелу с обрыва на луговой берег. А Таши – стрелок из лучших, в отца уродился, и потому его место на стене. Прежде частокол вокруг селения просто так стоял, вроде забора, лишь кое-где приступки были устроены для стрелков, а теперь всюду валом земля насыпана – и выворишь тяжёлое бревно, всё равно к домам так просто не попадёшь. Работы, правда, было много – этакую прорву земли в корзинах натаскать. Зато теперь хорошо...

Последнюю мысль Таши додумать не успел – вспрыгнул на пристенок, глянул на зеленеющие поля и обомлел: к селению, прямо по зеленеющим полям, не скрываясь и не замедляя шага, двигалось войско. Там не было жаборотых, только люди – высокие, темноволосые, в плотных кожаных. У каждого в руках был лук, а за поясом – полированный боевой топор, которым так удобно дробить вражеские головы. Среди них не было не только стариков, но и просто пожилых воинов – лишь молодые парни, недавно прошедшие посвящение в мужчины. И все они были на одно лицо... Мгновение Таши непонимающе глядел на приближающуюся толпу, затем стрела, уже изготовленная для стрельбы, задрожала. Да ведь это он сам, разделившийся на великое множество народа, идёт воевать родное селение! Каждый из этих людей – Таши, и никого другого там внизу нет!

Таши понимал, что это очередной морок проклятых мэнков, но не мог выстрелить. Всякий знает, твой облик – это и есть ты, даже отражение в проточной воде нельзя ударить, не нанеся вреда самому себе. Так какво стрелять в самого себя?

Очевидно, эти же мысли владели всеми защитниками городища, потому что на стенах царила оцепенелая тишина и ни единая стрела не вылетела в сторону нападавших. Те приближались, медленно, словно нехотя. Им было некуда торопиться, они шли, зная, что никто не сможет поднять руку на себя самого, поскольку каждый видит в наступающей толпе только себя и никого больше.

– Что ж вы стоите? – закричал кто-то внизу, возле ворот. – Бейте! Я не могу, но вы-то бейте, я не обижусь!

Никто не может бить. Всякий уже узнал себя и стоит, застыв от невысказанного ужаса.

А те тоже не стреляют. Подошли, стараются отпихнуть в сторону закрывающие проход бруссы, топчутся, словно не понимают, что с ними творится. Да и как иначе – что может понимать украденная душа? Так и будут топтаться, покуда разделяет противников деревянная стена. Хотя стена тоже не вечна – вот уже задымилась кое-где городьба, и слышны удары топора, прищельцы, убедившись, что снаружи слуги не отодвинуть, взялись прорубать себе путь. И с обеих сторон – ни единого выстрела, словно и войны никакой нет, а собрались люди для будничной работы.

И тут в разгар творящегося безумия спокойно и столь же буднично прозвучал приказ Ромара:

– Ну-ка, кто есть поздоровее, человек двадцать – ко мне!

И голос матери:

– Осторожнее, там своих полно.

– Буду стараться, а дальше уж как получится.

Таши, так и не стряхнувший наваждения, в два прыжка спустился вниз, где вокруг Уники и Ромара быстро образовывалось ядро тех, кто не совсем потерял голову.

– Запорное бревно сбросить! – скомандовал Ромар. – А когда ворота откроются – меня прикройте! И чтоб из чужих никто внутрь не проскользнул!

– Это моё! – каркнула Уника. – Вы Ромара берегите!

Несколько мужчин, не раздумывая, ринулись выполнять приказ. Невыносимо стоять, ничего не делая, а ворота отворить, это же не в собственную душу стрелять. Запорное бревно было мигом скинуто. Отодвигать тёсанные пряслины не пришлось – подрубленные с той сто-

роны, они посыпались все разом, ненароком придавив кого-то из нападавших и заставив на миг отшатнуться всех остальных. Ромар, окружённый плотным кольцом воинов, в три больших шага преодолел образовавшийся завал и оказался лицом к лицу с теми, в ком каждый видел себя самого.

И тут же словно холодный ветер прошёл над головами, и картина во мгновение ока переменялась. Теперь всё пространство возле городьбы занимали чужинцы, окаянные мэнки, скалящие зубы и готовые ринуться в распахнутые ворота.

– Бей! – рявкнул очнувшийся вождь.

Но и без его сигнала охотники разом вскинули луки и сотни стрел прожужжали, вбившись в толпу.

– Не стреля-ать!.. – истошно завопила Уника. – Это тоже морок! Своих побьёте!

Какой морок? Вот они, мэнки – потные лоснящиеся лица горят жаждой убийства, уже опомнился враг, насккивает со всех сторон, рвётся к неприкрытым воротам. Двое разом кинулись к Ромару, но Таши и Лишка взмахнули топорами, прервав смертельный прыжок. Костяным звуком зарокотал в селении бубен Калюты, а Ромар изогнулся немыслимо, исходя на крик, словно тянул в небо неподъёмную ношу, а затем рухнул на землю. Но за это мгновение окончательно очистились взгляды всех, кто собрался в осаждённом селении и возле него. Единный стон вырвался разом у всех, ибо только теперь люди осознали, что происходит. Конечно, среди нападавших были мэнки – полсотни, не более, а все остальные представляли собой дикую смесь всех лиц и народов, что встречались на левом берегу Великой и далее – в степь до самых неизведанных стран. Здесь были люди и чужинцы, ночные карлики и вовсе неведомые существа, у которых лишь обломок камня в волосатой лапе указывал на принадлежность к семейству разумных. А у самой кромки поля знакомо и страшно возвышались силуэты нескольких диатрим, неведомо как попавших на этот берег. Именно эти птахи, вернее коротышки, сидящие у них на спинах, быстрее всех освободились от связывающего их волю колдовства. Раздался дикий визг, и чудовищные птицы ринулись на тех, кто имел несчастье оказаться к ним всего ближе, затем последовал второй, уже осмысленный залп лучников, обступивших пристенок с внутренней стороны частокола.

– Мэнков отстреливать! – кричал Калюта. – Чтоб ни один не ушёл!

Это люди понимали и сами. Вражеские лучники, если были такие внизу, ввязались во всеобщую рукопашную схватку, и защитники селения могли бить не торопясь, высматривая в клокочущей толпе явных чужинцев и особенно широкооротых оборотней, зачаровавших всю эту разноплеменную толпу. Некоторые из противников пытались прорваться в распахнутые ворота, но там встал Тейко с лучшими воинами, так что легче было пробить с наскоку толстенные брёвна частокола, нежели оцетинившихся копытами детей зубра. Отряд, прикрывавший Ромара, мгновенно вырвался из схватки и теперь отступал к воротам. Таши нёс на руках лёгонькое тело Ромара, Лишка, отмахиваясь от каких-то чужинцев, второй рукой волокла бесчувственного парня, которому секунду назад сама едва не снесла голову. Теперь она видела, что это кто-то из её пленных сородичей, одурманенный небывалым колдовством.

Через минуту воины, вышедшие вслед за Ромаром, были уже в селении. Но никто и думать не хотел, чтобы вдвинуть в пазы запасные слег и, закрывшись стенами от разгорающегося побоища, ждать, кто одолеет во всеобщей свалке. Быстро перестроившись, охотники вновь выбрались через полуразрушенные ворота. Тейко с копьём в одной руке и гудящим кистенём в другой шёл впереди. Сплочённый отряд, словно отточенная пика в живое тело, вонзился в безумную толчею побоища, где каждый был сам за себя.

Таши, успевший передать бесчувственного Ромара на руки лекаркам, шёл в первом ряду. Топор, напоминавший вороний клюв, взлетал в его руках и резко опускался, словно Таши не в битве участвовал, а молотил зерно на току. Блестящий полированный камень потемнел от крови. Таши видел, что далеко не все нападавшие были чужинцами, но разбираться было

попросту некогда – кто совался под горячую руку, да ещё с оружием, тот и получал по темени. Вот кто-то косматый с рёвом мчится на людей, из пасти несётся хриплый вой, в руке зажата корявая дубина... Стремительный топор перебил нападавшему руку, так что удар дубины приходится вскользь и далеко не в полную силу, но чужинец, даже покалеченный, не уменьшает напора и рвётся вперёд. Копьё Данка не позволяет ему вцепиться в Таши, а топор уже снова взметнулся и обрушился на покатый лоб.

– Бей, не ленись! – ревёт вождь.

Но Таши вдруг приостановился, словно в самый неподходящий миг на него напала задумчивость. Ну, какие же это враги, это просто люди, такие же, как и дети зубра... Вот бежит человек: лицо искажено, зубы в широком рту оскалены, а глаза – добрые, и сразу видно, что он мог бы быть твоим другом. В руке клинок из отточенного рога, но разве это главное? Ясно ведь, что это хороший человек, не надо его трогать... вот и Данок опустил копье, тоже понял, в чём дело...

Лишь в последнее мгновение Таши, так и не понявший, в чём дело, успел шагнуть и заслонить собой замершего Данка. Костяное жало вспороло одежду, скользнув вдоль рёбер. Боль мгновенно отрезвила, Таши, хакнув от напряжения, опустил топор на гривастую голову. Мэнк повалился, цепляясь за Таши слабеющими руками.

– Мэнков бейте!.. – завизжал очнувшийся Данок, бросаясь в гущу сражения.

Где они, мэнки?.. Их тут один на двадцать, и уж они-то головы не потеряли, на отряд нахрапом не лезут – один вот попытался... и Таши, не выбирая, ринулся на ближайшего противника. Впрочем, боль от раны проявила его голову, так что, опознав в беснующемся воине настоящего человека, пусть и неведомого племени, Таши ударил не в полную силу, а лишь отвёл нацеленный деревянный меч, отблескивающий накладками вулканического стекла, а затем оглушил противника ударом рукояти. Повезёт парню – останется жив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.